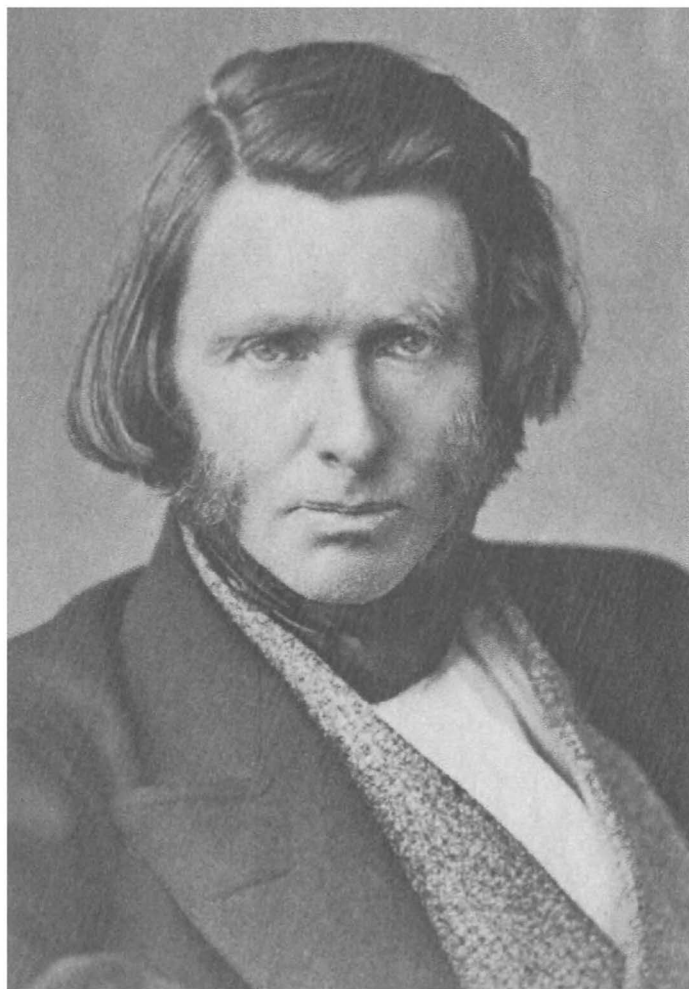


*Искусство
и действительность*

ИЗБРАННЫЕ МЫСЛИ
ДЖОНА РЁСКИНА



РИПОЛ
КЛАССИК



*Искусство
и действительность*

ИЗБРАННЫЕ МЫСЛИ
ДЖОНА РЁСКИНА



РИПОЛ
КЛАССИК
Москва

УДК 82-84
ББК 94.8
Р432

Перевод с английского Л. Никифорова
Предисловие Ю. Виноградовой

Рёскин, Дж.

Р432 Избранные мысли Джона Рёскина / Дж. Рёскин ; [пер. с англ. Л. Никифорова, предисл. Ю. Виноградовой]. — М. : РИПОЛ классик, 2017. — 224 с. — (Искусство и действительность).

ISBN 978-5-386-08831-6

Джон Рёскин — английский арт-критик XIX столетия, популяризатор прерафаэлитов и Уильяма Тернера, общественный деятель.

К работам Рёскина в своих трудах обращались Лев Толстой и Марсель Пруст, находя в его мыслях близкую им философию.

«Избранные мысли» Джона Рёскина — это сборник его высказываний на самые разнообразные темы. Читатель найдет здесь размышления о добре, нравственности, Боге, искусстве, труде, богатстве, воспитании. Сводятся они к простым, но нерушимым для мыслителя истинам. Ведь как писал сам Рёскин, «вся литература, все искусство, все науки бесполезны и даже вредны, если они не помогают вам быть счастливыми, и истинно счастливыми».

УДК 82-84
ББК 94.8

© John Ruskin 1869 by Elliot and Fry
© Study of Leaves by John Ruskin
This edition published by arrangement
with Ruskin Foundation (Ruskin Library,
Lancaster University)
© Предисловие. Виноградова Ю. В., 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО Группа Компаний «РИПОЛ
классик», 2015

ISBN 978-5-386-08831-6

Предисловие

«Джон Рёскин один из замечательнейших людей не только Англии и нашего времени, но и всех стран и времен. Он один из тех редких людей, который думает сердцем, и потому думает и говорит то, что он сам видит и чувствует и что будут думать и говорить все в будущем». Так писал об английском историке искусства, философе, общественном деятеле Джоне Рёскине Лев Николаевич Толстой. Прославленный яснополец нашел в трудах Рёскина много созвучного своим собственным взглядам и фактически стал одним из его популяризаторов в России.

Личность этого английского критика вызывала восхищение не только у русского графа, но и у многих его современников и мыслителей будущих поколений. Лекции, которые Рёскин читал

в Оксфорде, собирали так много слушателей, что не всем хватало места даже в самой большой университетской аудитории. Среди более поздних его поклонников были Марсель Пруст, Оскар Уальд, Махатма Ганди. Деятельность Рёскина находит параллели в статьях Владимира Стасова и Бернарда Шоу.

Рёскин известен в первую очередь как критик и историк искусства, однако он также профессионально увлекался геологией, большое внимание уделял архитектуре, занимался вопросами экономико-политического и социального устройства общества, прекрасно рисовал и оставил большое графическое наследие, прежде всего архитектурных зарисовок. Такое разнообразие интересов роднит Рёскина с деятелями эпохи Возрождения и раннего Нового времени, несмотря на то что этот период в истории искусства он более всего критиковал и даже отвергал, предпочитая ему Средневековье.

Любовь же к искусству и природе Рёскин унаследовал от своего отца — преуспевающего виноторговца Джона Джеймса Рёскина, в семье которого в 1819 году и родился будущий великий критик. Рёскин-старший передал сыну не только свои увлечения, но и благочестивое отно-

шение к Библии и любовь к серьезной литературе (в их доме почитали Гомера, Шекспира, Вальтера Скотта). А вместе с ними — огромное состояние, обеспечившее молодому Рёскину блестящее образование в Оксфорде и безбедную жизнь. Позже Рёскин напишет: «Задача отца — развивать ум ребенка, а задача матери — воспитывать его волю... Нравственное воспитание состоит в том, чтобы содействовать развитию способностей восторга, надежды, любви». Все это он сполна получил в родном доме.

Рёскин рано начал писать — уже в двадцатилетнем возрасте у него появились первые публикации по архитектуре. Тогда же он познакомился и увлекся творчеством Уильяма Тернера и написал целую брошюру в защиту живописца, в то время подвергнувшегося значительной критике. Его восхищение Тернером было настолько велико, что сегодня Рёскина называют не иначе как первооткрывателем для широкой публики этого художника. Тернеру к тому времени исполнилось почти семьдесят, он был членом-корреспондентом и профессором Королевской академии. Однако именно поддержка молодого Рёскина позволила художнику выстоять против давления викторианских установок в живописи и искусстве.

Еще большее значение его публикации имели для группы художников-прерафаэлитов. Рёскин фактически оформил в стройную теорию разрозненные воззрения молодых и смелых живописцев, во главе которых стояли Уильям Холмен Хант, Джон Эверт Миллес и Данте Габриэль Россетти. Критические работы Рёскина и ряд его публикаций для «Таймс» помогли художникам укрепить свои позиции, а сам критик был объявлен теоретиком прерафаэлитов, их наставником и другом. Результатом его исследований в области искусства стали не только отдельные статьи и лекции, но и пятитомный трактат «Современные художники».

Художественная критика Рёскина — это всегда критика вкуса, его публикации и лекции — попытка этот вкус улучшить, воспитать. «Вкус не только часть или указатель нравственности, — писал Рёскин, — но в нем вся нравственность. Скажите мне, что вы любите, и я скажу, что вы за человек». Тонкий эстет Рёскин в прямом разговоре с публикой поднимал не только и не сколько вопросы профессионального толка, сколько обращался к человеческой чувствительности, обыденной непредвзятости, ратовал за искусство, которое может сделать

мир лучше, искусство, созданное во имя пользы, добра, справедливости. Порой его речи звучат слишком дидактично и безапелляционно, однако Рёскин — человек своего — викторианского — времени, воспитанный на строгой протестантской морали и привыкший выдвигать высокие требования и к себе и к окружающим.

Позже интересы Рёскина из сферы искусствоведения переместились в область социального знания. Как всякий крупный мыслитель он не мог обойти вниманием несправедливость и несовершенство устройства современного ему общества. Сегодня его нередко называют основоположником английского социализма. В своих публикациях Рёскин призывал к различным реформам, в том числе в области образования, а также к изменению патриархальной роли женщины, что позволило бы ей реализовывать себя в публичной сфере вместо неизменного положения домохозяйки. Но главное, Рёскин критиковал технический прогресс, который, по мнению мыслителя, губил любимую им природу, разрушал памятники искусства и пагубно влиял на человеческие души. Его идеи порой вызывали насмешки, а сам профессор из Оксфорда нередко походил на чудака. Например, заказывал себе ру-

башки только из полотна, сотканного вручную, или настаивал на том, чтобы его книги печатали на ручном станке и ни в коем случае не возили по железной дороге.

Рёскин стремился возродить ручной труд и кустарные промыслы, полагая, что машинное производство обезличивает и труд, и самого человека. Его основные мысли изложены в труде «Политическая экономия искусства», написанном на основе лекций, который Рёскин прочитал в Манчестере в 1857 году, а также в книге «Последнему, что и первому». Он выпускал и специальное популярное издание, главной аудиторией которого были английские рабочие, ремесленники. «Никто не может научить чему-либо стоящему познания иначе, как работой рук» — писал Рёскин. Он даже основал Гильдию Святого Георгия — общину, основной задачей которой был возврат к земле и ручному труду. Как и любое утопическое образование, Гильдия просуществовала недолго, однако повлияла на дальнейшее возникновение подобных сообществ. При этом парадоксальный утопизм Рёскина состоял в том, что собственно литературных утопий он не писал, оставаясь в поле критики искусства, архитектуры, общественного

устройства. В определенном смысле Рёскин выступал как идейный радикал своего времени, многие из его трудов современники без тени кокетства называли смелыми.

Всего же за свою долгую жизнь (он прожил восемьдесят один год) Джон Рёскин написал несколько десятков работ и сотни лекций — всего около тридцати томов. Однако в России известна лишь небольшая часть его наследия. Первые переводы появились на закате жизни Рёскина (он скончался в 1900 году). Были изданы работы «Воспитание. Книга. Женщина» (с предисловием Толстого), «Оливковый венок», «Последнему, что и первому», «Орлиное гнездо», первый том трактата «Современные художники».

На рубеже XX и XXI веков в России часть работ Рёскина переиздается, перевод других осуществляется впервые. Однако это по-прежнему лишь избранные страницы его трудов, в первую очередь те произведения, которые связаны с искусством (во многом благодаря возросшему в последние годы интересу к деятельности художников-прерафаэлитов). Век спустя переизданы «Лекции по искусству», прочитанные Рёскиным для студентов Оксфорда. Сегодняшнему читателю эти лекции не дадут четкого представле-

ния о художественной жизни Англии, в них нет ни системы и структурированной научной базы. Однако в них критик учит своих слушателей собственным трудом добывать знания и умения, учит глубокому восприятию искусства, ведь для профессора Рёскина прочувствовать произведение гораздо важнее, чем грамотно описать его.

Из других искусствоведческих книг снова увидела свет небольшое популярное издание «Прогулки по Флоренции», которое путешественники когда-то брали с собой, отправляясь в город великого искусства. Вместе с ней опять вышли «Законы Фиезоло», рассказывающие о художественных принципах великого Джотто. Впервые была опубликована на русском языке в сокращенном варианте книга «Камни Венеции», в которой Рёскин дает исчерпывающий портрет города на воде и прежде всего почитаемого им архитектурного стиля готики. Относительно недавно осуществлен перевод архитектурно-теоретического трактата «Семь светочей архитектуры», в котором Рёскина интересует не история стилей, не конструктивная и техническая сторона зодчества, а этический, нравственный и социальный смысл архитектуры. Вышла на русском языке и книга «Этика пыли», фор-

мально посвященная природе минералов, но по сути излагающая философские мысли автора, его представления о библейских истинах, литературе, искусстве.

«Избранные мысли» Джона Рёскина — это также сборник его высказываний на самые разнообразные темы. Читатель найдет здесь размышления о добре, нравственности, Боге, искусстве, труде, богатстве, воспитании. Среди разрозненных мыслей внимательный читатель сможет уловить главные постулаты философии Джона Рёскина, определившие его представления о жизни в целом. Сводятся они к простым, но нерушимым для мыслителя истинам. Ведь как писал сам Рёскин, «вся литература, все искусство, все науки бесполезны и даже вредны, если они не помогают вам быть счастливыми, и истинно счастливыми».

*Юлия Виноградова —
искусствовед, журналист*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

Да будет каждая утренняя заря для вас как бы началом жизни, а каждый закат солнца как бы концом ее, и пусть каждая из этих коротких жизней оставляет по себе след любовного дела, совершенного для других, доброго усилия над собой и какого-нибудь приобретенного знания.

2.

Делайте добро, живя и умирая, — в противном случае настанет неизбежно день, когда вы будете работать на пользу не добра, а зла.

3.

На сотни говорящих людей приходится один мыслящий, а на тысячи мыслящих — один ясно видящий.

А величайшее дело, которое может совершить человеческая душа в этом мире, это ясно видеть и вполне передать виденное.

4.

Истинная политическая экономия есть та, которая учит народы желать и производить предметы, служащие для жизни, и презирать и уничтожать всё, ведущее к гибели.

5.

Все истинные мысли — живые мысли и проявляют свою жизнь в том, что способны питать и изменяться. Но изменяются они подобно дереву, а не облаку.

6.

Утехи ненависти, битвы, сластолюбия, праздного знания, презренной роскоши — всё переходят в медленное мучение; ничего не остается человеку, никакая истинная радость для него невозможна вне честной любви к ближним, вне познания законов и славы Божиих и ежедневно-

го применения тех способностей души и тела, которые вложены в него Богом.

7.

Ложный стыд есть излюбленное орудие дьявола. Он больше достигает им, чем даже ложной гордостью. Ложной гордостью он только поощряет зло, а ложным стыдом парализует добро.

8.

Истинно великие люди обладают странным сознанием своей немощи, чувствуя, что великое не в них, а только совершается через них, и что они могут делать и быть только тем, что вложено в них Богом.

Каждый правильно развитой ум должен радоваться не столько тому, что он что-нибудь ясно знает, сколько от сознания, что существует неизмеримо большее количество вещей, которых он еще не знает.

9.

Когда люди смотрят на природу, они всегда думают, что могут усовершенствовать ее.

10.

Великий человек всегда находит себе помощь во всех, потому что дар его состоит в том, чтоб извлекать добро из всех и из всего.

Таков закон судьбы, что люди только отчасти существуют собственными усилиями, значительно же больше помощью других.

11.

Старайтесь с должным уважением к будущему, во-первых, делать то, о чем стоит говорить, и затем правдиво высказывать это.

Люди не могут делать столько добра современникам, сколько своему потомству, и ни с какой трибуны так мощно не раздаётся человеческий голос, как из-за могилы.

12.

В венце из терна и в трости из камыша предвещена вечная истина христианства — что слава должна быть зачата в муках, а мощь в смирении.

13.

Все доброе в человеке божественно само по себе.

Душа человека есть зеркало, в котором можно втайне видеть образ божественного разума.

14.

Добродетель состоит не в том, чтоб делать то, за что получится теперь же награда. Это может быть и не быть. Награда когда-нибудь да явится. Но жизненное условие добродетели в том, что она находит свое удовлетворение в самих совершенных делах и в желании, чтобы награда, если она явится, выпала на долю других.

Добрые дела не творятся по ненависти или по найму, а только по любви.

15.

Остерегайтесь людей, отговаривающих вас стремиться делать добро на том основании, что совершенство — утопия.

16.

Говорить и действовать правдиво постоянно и неизменно почти так же трудно и, пожалуй, так же доблестно, как и действовать, невзирая на угрозы и кары; и странно, что на громадное количество людей, отстаивающих правду ценою своего благосостояния, ценою своей жизни, приходится так мало отстаивающих ее ценою незначительного ежедневного беспокойства.

17.

Различие в степени благородства между людьми, как и между животными, состоит в том, что одни чувствуют больше, другие — меньше. Тот только подвигается в жизни, чье сердце становится все мягче, кровь горячее, чей мозг работает быстрее, а дух достигает все большего жизненного покоя. И только люди, имеющие такую жизнь в себе, и являются истинными властелинами и царями земли. Да, только они, одни они!

18.

Любых знаний можно добиваться из низких побуждений и ради низких целей; и для тех, кто

обладает такими знаниями, они являются бесчестными; тогда как те же самые знания в людях с иными стремлениями являются источником величайшего благородства и благословения.

19.

Я убежден, что только личным своим поведением каждый человек самых обыкновенных дарований сделает величайшую сумму добра, предназначенного ему совершить.

20.

Вполне оценить человека могут только равные ему и те, кто выше его.

Все же истинное и своеобразное (характерное) в человеке ведаёт только Бог.

21.

Каждый великий художник, каждый великий труженик в любой области искусства, мгновенно взглянув, видит больше, чем узнал бы, работая тысячу часов.

22.

Не моря разделяют народы, а невежество, не различие языка, а враждебные отношения.

Чем человек дальше живет от вас и чем меньше он вас понимает, тем правдивее обязаны вы быть в отношениях к нему, потому что ваша власть над ним тем больше, чем он невежественнее, и помощь ему тем труднее, чем дальше он от вас.

23.

Не выполняя божественного служения в каждом добровольном поступке нашей жизни, мы совсем не выполняем его.

24.

Беспредельная нежность есть величайший дар и достояние всех истинно великих людей.

25.

В каждый момент нашей жизни мы должны стараться отыскивать не то, что нас отделяет от других людей, а то, что у нас с ними общего.

26.

Безнадежнее, невыносимее всего гордость глупца, который открыл что-нибудь новое; он уже считает, что во Вселенной нечего уж больше открывать. Тогда как истинно великий человек, на которого открытия сыплются дождем, своею тяжестью пригибая его к земле, смиренно склоняет свою голову и часто выражает их сначала только отрывочными фразами.

27.

Закон истинной экономии заключается в том, чтоб делать все наилучшее из всего, а тем более из каждого живого существа.

28.

Итак помните, что я, по крайней мере, предостерегал вас, что счастье вашей жизни, ее сила, доля и участь, как на земле, так и на небе, зависит от того, как вы проводите ваши дни теперь. Это должны быть не дни уныния, а торжественные дни в самом глубоком значении этого слова.

29.

Все предметы буквально лучше, милее, и мы их больше любим за их несовершенства, которые божественно определены, чтобы законом человеческой жизни было усилие, а законом человеческого суда милосердие. Только у Бога законченность, и чем совершеннее становится человеческий ум, тем лучше он чувствует беспредельную в этом отношении разницу между делом Божеским и человеческим.

30.

Вселенная была бы местом мира, если бы мы творили мир, и все твари любовно служили бы нам, если бы мы с любовью воспитывали их. Но до тех пор, пока мы делаем себе забаву из охоты за птицами и зверями, пока мы предпочитаем вести борьбу с нашими ближними, а не с нашими пороками, и обращаем наши луга в поля битв, а не в пастбища, до тех пор путь к древу жизни будет охраняем обращающимся мечом, а врата Эдема крепко от нас закрыты.

31.

В литературе, в искусстве, в религии всё, делаемое за деньги, отравлено; и этот яд вдвойне смертелен, лишая нас возможности наслаждаться всем тем благородным в литературе и искусстве, что делается по любви и по правде.

Из-за денег или по злобе никто не может служить вам. Никакой платы не возьмет с вас истинный человек; свою силу он черпает в любви и доверии к нему, и, поскольку вы их ему оказываете, он и может служить вам.

32.

Глупому всегда нужно сокращать время и пространство, а мудрый желает их только удлинить. Глупый жаждет убить время и пространство, а мудрый — выиграть и оживить их.

33.

Никогда не учите ребенка тому, в чем вы сами не уверены, и если вы хотите что-нибудь внушить ему в нужные годы, чтобы чистота детства

и сила первых сочетаний запечатлели это в нем, то берегитесь больше всего, чтоб это не была ложь, освящаемая вами таким образом.

Вообще все роковые ложные суждения проистекают от ложных чувств, к которым мы и подгоняем наши рассуждения.

34.

Каждый человеческий поступок тем почетнее, лучше и великолепнее, чем больше он делается ввиду будущего. Это прозрение вдаль, это тихое и доверчивое терпение, помимо всяких других свойств, выделяет человека из толпы, приближая его к Богу; и к каждому делу, к каждому искусству приложимо это мерило для определения величия.

35.

Всецело уловить замысел великого мыслителя, может быть, и трудно, и мы постоянно можем более или менее ошибаться, но глубоко, безгранично и непростительно ошибается только глупец, утверждающей, что тут не было никакого замысла.

Все великое нелегко.

36.

Знание бесконечно, и человек, самый ученый, по мнению людей, так же далек от истинного знания, как и безграмотный крестьянин.

37.

Где начинается искание истины, там всегда начинается жизнь; как только прекращается искание истины, прекращается и жизнь.

38.

Помните всегда, что как в живописи, так и в красноречии чем больше ваша сила, тем спокойнее приемы и тем меньше у вас слов.

39.

Воспитайте сперва просто человека, а потом уже религиозного, и всё будет хорошо. Но неискренняя религиозность всего губительнее.

Для кого же религия важнее всего, тот всецело отдается ей; и нет для него в мире иного дела, как Божье дело.

У кого религия на втором плане, она не занимает никакого места. Бог совместим со многим в сердце человека, но несовместимо одно, чтоб Он был в сердце на втором плане. Тот, кто отводит Ему второстепенное место, не отводит никакого.

40.

Одно из определенных условий труда человека состоит в том, что полнота плода находится в соответствии между временем посева и жатвой, и потому, чем отдаленнее вообще цель наших стремлений, чем меньше мы желаем сами видеть плоды наших трудов, тем больше и обширнее будет мера нашего успеха.

41.

У человека нет никаких данных для оценки, а тем более нрава для суждения о результатах жизни, полной безусловной самоотверженности, пока у него не явится смелости самому испытать такую жизнь, по крайней мере на время; но я думаю, что ни один разумный человек не пожелает

и ни один честный человек не посмеет отрицать то благотворное влияние, какое имели на его душу и тело хотя бы те случайные лишения в предметах роскоши или опасности, которым он подвергался.

42.

Как бы ничтожен и мал ни был поступок, он может всегда быть сделан ради великой цели и потому облагорожен, и потому нет такой великой цели, которой малые дела не могли бы помочь, и притом сильно помочь; в особенности же это относится к величайшей из всех целей — к угождению Богу.

43.

Мы не посланы в мир совершать какое бы то ни было дело, в которое мы не можем вложить нашей души. Нам нужно работать, чтоб добывать свой хлеб, и эту работу мы должны исполнять горячо. Затем у нас есть работа ради наслаждения нашей души, и ее мы должны выполнять сердечно; и та и другая работа долж-

на быть сделана не кое-как, урывками и наполовину, а с полною охотой. Ту же работу, которая не заслуживает такого отношения, лучше совсем не делать.

Человек с жалкой душой и слабый в своем собственном деле не может как следует помогать другим.

44.

С первого взгляда кажется неосновательным утверждать целесообразность самоотвержения ради самоотвержения, когда ради стольких других целей оно ежедневно необходимо в гораздо большей степени, чем мы его проявляем. Но я думаю, что именно в силу того, что самоотвержение недостаточно признается или считается само по себе хорошим, мы и неспособны проявлять его, когда это для нас обязательно, и рассчитываем с некоторым пристрастием, насколько добро, делаемое нами другим, определяет или оправдывает сумму неудовольствий, причиняемых им лично нам, вместо того чтоб с радостью пользоваться каждым случаем для самоотвержения как личной для себя выгодой.

45.

Я думаю, что самые благородные формы нашей фантазии не могут быть управляемы и обладают отчасти свойствами снов; так что вдохновения являются непрошенными и не подчиняются тем, на кого они нисходят, я подчиняют их себе, заставляя их быть, подобно пророкам, невластными в своих словах и мыслях. Но если человек правильно воспитан и ум его спокоен, устойчив и мощен, то вдохновение видно, как в безукоризненном зеркале, ясно и верно; если же разум его неправильно развит и несовершенен, то вдохновение является как в разбитом зеркале со странными искажениями и безобразиями, и все страсти души своим дыханием покрывают его искривленными морщинами, так что не остается почти ни одной правильной черты.

46.

Всякая истинно человеческая песнь есть законченное художественное выражение радости или горя благородной души в правом деле. И вполне соответственно правоте дела и чистоте побуждений и возможно изящное искусство. Девушка мо-

жет воспевать свою потерянную любовь, но скряга не может воспевать своих потерянных денег.

47.

Из всех добродетелей надежда есть по преимуществу христианская добродетель (и не могла, без сомнения, войти окончательно ни в одну языческую схему). Из всех добродетелей она, мне кажется, может служить лучшим мерилom того, христиане ли мы или нет: многие обладают милосердием, то есть общей добротой сердца или даже известной долей веры, но нет у них постоянной надежды, постоянного влечения к небу.

48.

Вы соблюдаете субботу в воспоминание того, что Бог опочил от дел. Соблюдайте ее как хотите, но пусть и остальные дни недели будут подражанием дел Божиих.

49.

Истина ни в чем не познается путем разговоров, а только трудом и наблюдением. И когда

вы овладеете одной истиной, две другие навверное предстанут перед вами, прекрасные, как первые листочки двусемянных растений. Когда же вы приобретете достаточно истинных познаний, чтобы бороться, вы обязаны бороться и даже умереть за истину, но уже не спорить о ней.

50.

Меньше было бы людей глухих к добру, восседающих на торжищах, если б вместо упрека, делаемого людям за их пороки, мы обращались бы к их сердцу; вместо усиленных требований от них исполнения воли Бога, мы могли бы уяснить им, как они лишаются Его милости; если б при каждом предостережении о смерти мы могли бы привести доказательства и обещания бессмертия; если бы вместо того, чтоб утверждать о существовании грозного божества, которого люди хотя не могут и не смеют отрицать, но вместе с тем не желают и постичь, мы указали бы им на близкое, очевидное, неизбежное, но всеблагое Божество, любовь которого превращает самую землю в небеса.

51.

Истинное христианство, как показал Сам Учитель, выражается в преломлении хлеба, ложное христианство — в краже его... Человек, изо дня в день не зарабатывающий своего хлеба насущного, крадет его. Точно так же любая христианская церковь не может существовать без самой страшной мерзости и лицемерия, пока добродетель жизни, вполне умеренной для себя и полной служения бедным, не будет считаться теми необходимыми условиями, при которых молитвы, воссылаемые к Богу о ниспослании плодородия земле, не будут кощунством.

52.

Пусть запечатлется в вашем уме как руководящий принцип всякой истинной работы и как источник всякой здоровой жизненной энергии та истина, что ваше искусство должно быть прославлением того, что вы любите. Это может быть прославлением шелухи или камня, прославлением героя, прославлением, наконец, Бога, но во всяком случае ваше положение, как живого су-

щества, определяется тем, как сильна и обширна ваша любовь.

53.

Самый жалкий из нас обладает все-таки каким-нибудь даром, и как бы ни был этот дар по видимому зауряден, но, составляя нашу особенность, он может при правильном применении стать даром для всего человечества.

54.

Все лучшее в человеке может проявиться только вместе с значительными недостатками.

55.

Истинная сердечность и милосердие, ненарушимая доверчивость, благодарная любовь, мир между окружающими, облегчение чужих страданий, голубое небо над вами, тихая поверхность вод и чудные цветы здесь, на земле, таинственность жизни и присутствие бесчисленных живых творений — вот те богатства, не причиняющие

мук, которые могут служить вам и в этой жизни и быть предвкушением будущей.

56.

Как только мы можем употребить данные нам силы с благою целью, в нас тотчас же желание поделиться этой возможностью с другими является невольно по мере наших сил.

57.

В вашем собственном сердце есть пророческая сила, которую знали греки, евреи, апостолы и которую и вы можете узнать. Если она молчит в вас теперь, не пренебрегайте ею, не миритесь спокойно с таким лишением; если же она говорит в вас, не заглушайте ее своим непослушанием.

58.

Как первое правило мудрости состоит в познании самого себя — хотя это всего труднее, — так и первое правило милосердия состоит в том, чтобы довольствоваться собою, хотя и это также

трудно; и только такой довольный и умиротворенный человек и явится опоясанным и сильным для оказания милосердия другим.

59.

Чем больше существенных плодов будет приносить ваша вера, тем с большею кротостью будете вы относиться к вере вашего ближнего.

60.

Мудрое потребление гораздо труднее мудрого производства. Что двадцать человек с трудом произведут, то один легко может потребить, и вопрос жизни, как для каждого отдельного лица, так и для целого народа, состоит не в том, сколько он произведет, а в том, на что эти продукты тратятся.

61.

Бог дал нам землю для жизни. Это великое наследие. Но оно принадлежит настолько же нам, насколько и тем, которые придут нам на смену и чьи имена уже записаны в книге творения. По-

этому мы не имеем ни малейшего права ни тем, что делаем, ни тем, что пренебрегаем делать, налагать на них ненужное бремя или лишать их тех благ, которые мы могли бы им доставить.

62.

Величайшее из всех чувств есть чувство полнейшего забвения себя.

63.

Не думайте о своих ошибках, а тем более об ошибках других. В каждом человеке, приближающемся к вам, смотрите на то, что в нем есть доброго и сильного, почитайте это, радуйтесь этому и, насколько возможно, старайтесь подражать, и ваши собственные ошибки спадут с вас, как мертвые листья, когда настанет их пора.

64.

Низкая нация распинает или отравляет своих мудрецов и оставляет своих безумцев свободно бродить и гибнуть на улицах. Мудрая же нация повинуется первым, сдерживает вторых и любит всех.

65.

Изящное искусство — то, в котором руки, мысль и сердце человека участвуют вместе.

Вся прелесть искусства и вся любовь к нему сводится к простой любви того, что достойно любви.

66.

Сильному и мудрому даны его дары не для того, чтобы угнетать, а чтобы руководить и поддерживать слабого.

67.

Всякая истинная наука начинается с любви, а не с разбора своих собратьев, и кончается любовью, а не анализом Бога.

68.

Чтение и письмо отнюдь не составляют образования, если они не помогают людям быть добрее ко всем тварям.

69.

Ни один поверхностный или пустой человек не может быть художником. Простая ловкость или специальный дар никогда не создавали художника. Только совершенство, полнота, глубина, твердость и высшее изящество ума образуют воображение.

Первая общая характеристическая черта всякого великого искусства есть нежность, а вторая — правдивость, потому что нежность лежит в самой природе Творца, а правдивость — в приобретенных его привычках и знаниях.

70.

Мы относимся без благоговения к Богу, изгоняя Его из наших помыслов и не обращаясь к Его воле в неважных случаях. Нет ничего столь ничтожного, чем мы не могли бы почитать Бога, прося Его руководства.

71.

Воспитание в самом глубоком смысле не сравнивает людей, а еще более различает их. И дале-

ко не будучи орудием накопления, первый урок мудрости состоит в презрении к богатству, а первый урок благородства в раздаче богатства.

Предмет истинного образования состоит в том, чтобы научить людей не только делать добро, но и наслаждаться этим; не просто быть трудолюбивыми, но и любить трудолюбие; не только быть учеными, но и уважать ученость; быть не только чистыми, но и любящими чистоту, не просто справедливыми, но алчущими и жаждущими правды.

72.

Никогда не считайте бесполезным подчиняться влиянию, которое может пробудить в вас благородные чувства.

73.

Без решимости в сердце вашем делать добро, пока ваша правая рука не онемела, и делать это, невзирая на то, поведет ли это вас к жизни или смерти, невозможна никакая жизнь, достойная этого имени.

74.

Нельзя достигнуть истинного искусства, не восторгаясь им; затем я также положительно утверждаю, что нет возможности достигнуть истинного искусства, если мы не сдерживаем нашего восторга. И так мы должны сперва полюбить искусство, а затем сдерживать нашу любовь к нему.

Искусство тогда только на надлежащем своем месте, когда оно подчинено пользе. Его задача поучать, но поучать любовно; и оно является постыдным, а не возвышенным, когда только приятно, не помогая людям открывать истину.

75.

Наши нравственные чувства так переплетены с умственными силами, что мы не можем затронуть одних, не затронув и других. Великий ум, однажды искаженный, является навсегда проклятием земли.

76.

Искусство выполняет свою задачу не тем, что наполняет чудовищные галереи пустыми, ужас-

ными или неприличными картинами, но тем, что восполняет удобства и облагораживает удовольствия нашей повседневной жизни; а литература выполняет свою задачу не тем, что заставляет людей тратить время на политические споры или праздные фантазии, но тем, что возвышает наше воображение до высоты всего благородного, честного и прекрасного в настоящей жизни, доставляя нам, хотя мы были бы бедны и совершенно неизвестны, сообщество мудрейших умов всех стран и веков, помогая обмену светлыми мыслями и честными намерениями самым отдаленным народам, пока, наконец, с моря беспорядочных страстей повеет тишиной, зима, ледящая мир, превратится в дни покоя и счастья. Тогда воздушные птицы могут наконец мирно вить свои гнезда, а Сын Человеческий найдет, где преклонить Свою голову.

77.

Самое низменное из всех положений знания, в которых современные сирены стараются убедить людей, состоит в их усилии указать на иной источник жизни, чем любовь. Откажи-

тесь, если можете, от восьмого члена вашего Символа веры: «Верую в Духа Святого, Господа Животворящего», — перестаньте верить в это, и ваше собственное существование мгновенно превратится в прах, гонимый ветром, и элементы разложения проникнут в ваши сердце и душу.

78.

Нация в детстве может поддерживаться законами как больной ребенок корсетом, но когда нация стареет, она уже не в силах этим путем помочь своей сгорбленной спине.

79.

Существо высшей расы наиболее совершенное, как, например, человек, неизменно должно отличаться добротой и правдивостью.

80.

Чтобы научиться терпению, нужно практиковаться почти столько же, как и при изучении му-

зыки, а мы между тем почти всегда манкируем, когда учитель приходит.

81.

Лучшие мысли обыкновенно те, которые приходят без всяких усилий и неизвестно как.

Ни одно великое, умственное творение не вымучено. Великое Творение может быть создано только великим человеком, и он творит его без напряжения.

82.

Никакая правда не ведет к унынию. Лучшее доказательство правого дела состоит в том, что оно имеет власть над нашим сердцем; оно приводит нас в восторг, покоряет нас и помогает нам.

Путь доброй женщины действительно усеян цветами; но они являются вслед за пройденными ею шагами, а не впереди их.

84.

Не думайте, что когда-нибудь вам могут повредить усилия проникнуть в веру других лю-

дей и мысленно симпатизировать руководящим принципом их жизни. Только этим путем вы можете справедливо любить, сожалеть и оценить их.

85.

Наш ум одарен массой разнообразных даров, членами, так сказать, нашего ума, и если мы не употребляем их, то являемся калеками.

86.

Никакое хорошее творение не может быть совершенным, и требования совершенства, предъявляемые людьми, служат признаком ложного понимания задачи искусства.

87.

Чем бы вы ни были, вы не должны быть бесполезны и жестоки. Есть один пункт, относительно которого за шесть тысяч лет обсуждения того, что дурно и хорошо, мудрые и добрые люди пришли наконец к соглашению, — эта опытом добытая бесспорная истина гласит, что Богу про-

тивнее всего люди ленивые и жестокие, что Его первая заповедь была: «Трудитесь, пока в вас свет», а вторая: «Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерден».

88.

Самые мудрые учителя те, которые меньше всего спорят.

Остерегайтесь всегда препираться из-за слов; очень часто нелегко уловить смысл их, даже если вы знаете их значение на многих языках.

89.

Краткость жизни ни для одного разумного человека не может быть основанием для того, чтобы бесполезно тратить ту долю ее, которая ему дана. Ни дни наши, ни жизни не могут быть благородны и святы, если мы проводим их, ничего не делая. Лучшая утренняя молитва та, в которой мы просим, чтобы ни одно мгновение этого дня не прошло бесполезно, и лучшая благодарность перед обедом заключается в сознании, что мы честно заслужили нашу пищу.

90.

Первая и последняя благородная задача воспитания заключается в умении управлять нашими мыслями.

91.

Истинная вера человека направлена не на то, чтобы доставить ему покой, а на то, чтобы дать ему силы на труд.

92.

Не вдумываться лучше после, но не в юности, хотя есть только одно условие, когда человек может благородно не думать — это в гробу. Не откладывайте же обдумать что-нибудь до своей смерти.

93.

Детство часто держит в своих слабых пальцах истину, которую не могут удержать люди своими мужественными руками и открытие которой составляет гордость позднейших лет.

94.

По мере совершения мудрых дел все более и более жизни пребывает в человеке.

95.

Истинный художник тот, который, безусловно подчинившись законам искусства, обладает полной свободой фантазии.

96.

Все пороки, в сущности, происходят и все силы гибнут от того, что авторитет золота заменил авторитет Бога и что люди предпочитают барыши и богатства благочестию и миру в Боге.

Грех всего мира есть, в сущности, грех Иуды. Люди не верят в своего Христа, а продают Его.

97.

Вся литература, все искусство, все науки бесполезны и даже вредны, если они не помогают вам быть счастливыми, и истинно счастливыми.

По мере благородства ваших сил возрастает и ваша ответственность, если вы тратите их на дела бесполезные или дурные.

98.

Будьте уверены, что никакая перемена к лучшему не может быть сделана легко и скоро, при неблагоприятных условиях и дурными людьми или даже хорошими без значительных страданий.

99.

Полезнее всего было бы составить описание жизни тех людей, о которых мир и не думал и не слышал, но которые теперь исполняют главную долю всех его работ и от которых мы можем лучше всего научиться, как исполнять их.

100.

Лучшая мысль не может явиться без того, чтобы ей не предшествовала худшая, которая исчезает, порождая ее. Если мы честно думаем, мысли наши не только проживут, но и погибнут не без

пользы, подобно мху, который и сухой остается полезен. Но если мы думаем нечестно или злобно, мысли наши исчезают, как дождевики, рассеивая гнилую пыль.

101.

Физически невозможно, чтобы истинно религиозное ведение или чистая нравственность существовали в тех классах народа, которые не зарабатывают своего хлеба трудами рук своих.

102.

Уметь ясно задать вопрос — значит на две трети помочь правильному ответу.

103.

В действительной практике повседневной жизни вы найдете, что всюду, где скрытность, там и преступление или опасность. Немыслимо, чтобы существовали вещи, нуждающиеся в тайне, но, напротив, достоинство и безопасность человеческой жизни находятся в прямой зависимо-

сти от ее откровенности. Нечего бояться ребенку, откровенному со своими родителями, или мужчине и женщине, ничего не желающим скрыть от Бога.

104.

Мы обязаны сохранять то, что прошедшее имело сказать о себе, и высказывать всё, что будет истинно для будущего.

105.

Когда человек действительно имеет возможность что-нибудь сделать, он молчит об этом. Все слова и теории кажутся ему праздными.

Разъяснять — значит даром тратить время. Человек, видящий ясно, понимает с намека; человек же, неправильно видящий, не поймет и из целой речи.

106.

Есть только один путь человеку помочь Богу — это не мешать Богу помочь ему; и никог-

да имя Его не приемлется более всуе, чем в тех случаях, когда мы считаем исполнение дела Божья за нарушение своего.

107.

Человек не может придумать ничего благороднее человечества. Он не может придумать себе вида лучшего, чем тот, какой дал ему Бог, хотя бы старался приобрести полет птиц и силу животных.

108.

Говорить правду то же, что красиво писать, и является только благодаря практике; это дело не столько воли, сколько привычки, и я не думаю, чтобы можно было считать бесполезным всякий случай, помогающий проявлению или образованию этой привычки.

109.

Ваш ум должен всегда быть далеко впереди ваших дел. Если вы не обдумали, то наверное поступите неправильно.

110.

Только откровенно высказываясь, вы можете научиться думать. И как бы ложны ни были ваши первые мысли, старайтесь во всяком случае, чтоб они были высказаны ясно и постановлены правильно.

Честные, восторженные ошибки никогда не бывают вредны, потому что они всегда сделаны в верном направлении и упадают впереди на дорогу, а не в ров позади, и потому могут всегда быть исправлены человеком, следующим за вами.

111.

Вы должны проникнуться твердой решимостью, чтобы все ваше было Божье, тогда и вы будете Божьи; и вы должны делать это просто и спокойно, думая о себе только как о существе, посланном для исполнения Его дела, и в каждую свободную минуту обдумывая то, что вам предстоит сделать в следующую.

112.

Все должны в известной степени быть гениями: речками или речонками — все равно, но

с чистой и светлой водою; все жизни наши должны быть не мертвыми стенами, окружающими мертвые груды разноцветных, перенумерованных предметов, а текучими водами в беспредельном пространстве бытия, наполненном неведомыми и неисчислимыми вещами, в своем течении замечая только живые берега с их цветами и освежая и отражая их — и так продолжая течь все дальше.

113.

Вы должны радоваться, думая о том, что Бог сотворил неизмеримо больше прекрасного, чем в силах охватить человеческий взор, но огорчаться при мысли, что человек сделал гораздо больше зла, чем в силах постичь его душа, а рука исправить.

114.

Помните, что каждый день вашей молодости безвозвратно предрасполагает вашу душу к добру или злу: или упорядочивая святыя привычки любовного и нежного отношения, или проводя все глубже и глубже борозду для семян горя.

115.

Помните всегда, что «mors» значить смерть и приостановка, а «vita» — жизнь и рост, и потому старайтесь всегда не мертвить, а оживлять себя.

116.

Ничто не должно заслонять природу от взоров художника и Бога его души. Ни расчет, ни мнение — хотя бы самый тонкий расчет или самые мудрые суждения — не может быть допущено между Вселенной и свидетельством искусства, все достоинство которого зависит от того, что это свидетельство очевидца, а вся достоверность и значение — от личной гарантии человека, который его приводит.

117.

Каждое слово имеет только то значение, в каком может воспринять его слушатель. Вы не уясните значение чести человеку бесчестному или любви тому, кто чужд ей. Стараясь низвести значение этих слов до их понимания, вы дойдете

только до того, что у вас не будет больше слов для выражения чести и любви.

118.

Немного значит, когда люди соединяются в культы религиозного служения, но величайшее значение имеет то, когда они соединяются, как истинные братья, в искусстве и во взаимной своей повседневной жизни.

119.

Быть героем в счастье, держать себя смело и прямо при мерцающем блеске утреннего сияния, не забывать своего Бога, когда Он ниспосылает наиболее даров, не изменять людям, доверяющим нам, когда они, по-видимому, наименее нуждаются в вас, — вот что составляет нелегкое мужество.

120.

Простота жизни, языка, привычек придает силу нации, а роскошь — жизни; вычурность

языка и изнеженность привычек ведет к слабости и гибели.

121.

Много вреда можно нанести неосторожной похвалой и осуждением, но главный вред наносится осуждением.

122.

Действительная жизнь не мимолетна, нелегка и никогда не пропадает. Каждая благородная жизнь оставляет свои нити навсегда вплетенными в дело мира; и, таким образом, все более и более растет мощь человечества с здоровыми корнями и с ветвями, все выше поднимающимися к небу.

123.

Знание подобно ходячей монете. Человек имеет отчасти право гордиться обладанием ею, если он сам поработал над ее золотом и пробовал ее чеканить или, по крайней мере,

честно приобрел ее уже испробованную. Но когда он ничего этого не делал, а получил от какого-то прохожего, который бросил ее ему в лицо, то какое же основание имеет он гордиться ею?

124.

Воздержание не означает подавления или неразвития энергии, не означает приостановки в добре, как, например, в проявлении любви или веры, но, наоборот, силу и энергию, препятствующую делать то, что он считает дурным.

125.

Благочестие всегда начинается со скромности. Вы должны сперва почувствовать, что вы очень ничтожны и потому вам лучше делать то, что вам велят, затем задуматься над тем, что вам велят и кто вам велит, и вы найдете всегда, что в вас есть всегда ясное понятие о том, что дурно и хорошо, которому вы по своему желанию можете всегда следовать.

126.

Выносливость благороднее силы, а терпение — красоты.

127.

Если человек заслуживает похвалы, старайтесь не отказывать ему в ней, иначе вы не только рискуете отклонить его от надлежащего пути, лишая его поддержки и одобрения, в котором он нуждается, но и сами лишитесь лучшего преимущества — воздать человеку должное за его труд.

128.

Первая отличительная черта доброго и мудрого человека заключается в сознании, что он знает очень мало, что есть много людей, гораздо умнее его, причем он всегда желает узнать, научиться, а не учить. Желющие же поучать или управлять не могут хорошо ни учить, ни управлять. Всякое истинное дарование, даже самое скромное, всегда научает нас чему-нибудь, и притом научает легче и лучше, чем люди, стоящие высоко над ним в ореоле гордого вели-

чия своего ума. И мы впали бы в ошибку и были бы несправедливы и неумны, если бы отказались благодарно и почтительно принять это специальное посланничество только потому, что оно высказывается в простом изречении, а не в целом томе.

130.

Как бы мало и незначительно ни было любое дело, но в том, чтобы сделать его хорошо, имеется нечто родственное благороднейшим формам мужественной добродетели.

131.

Существуют известные вечные законы для человеческой жизни, вполне ясно различаемые человеческим умом. И поскольку они открываются людям и люди следуют им, постольку в людях и жизни и силы.

132.

Самодовольное и грубое невежество произведет несовершенное, но безобидное. Невеже-

ство же недовольное и хитрое, изучающее то, что оно не в состоянии понять, и подражающее тому, чем оно не может наслаждаться, производит все самое отвратительное, унижающее и развращающее человечество.

133.

Соперничество не создает ничего прекрасного, а гордость — ничего благородного.

134.

Знание есть умственная пища и представляет для ума то же, что пища для тела (разница разве только в том, что ум нуждается в разнообразной пище, знание же есть только одно из многих родов его пищи), и подлежит таким же злоупотреблениям. Оно может быть подмешано и подделано так, что становится нездоровым; может быть до того рафинировано, подслащено и вкусно, что в конце концов теряет всякое питательное значение. И даже самой лучшей умственной пищей можно пресытиться, так что наживешь болезнь и смерть.

135.

Симпатия знает, когда слова бессильны, какими божественными чертами и светом благочестие и милосердие могут смягчить и озолотить самое черствое и холодное лицо и как омрачается самое приятное лицо, когда эти чувства исчезают. И нет ни одной добродетели, мимолетное даже ощущение которой не налагало бы отпечатка красоты на черты лица.

136.

Все искусства правильно изучаются и употребляются, когда люди имеют в виду доставить или удовольствие, или пользу другим. Ребенок, пляшущий ради собственного удовольствия, прыгающий козел и играющая лань — счастливые и прекрасные создания, но они не художники. Художник тот, кто подчиняет себя мучительному для него закону с целью доставить людям восторг, что составляет для него самую лучшую отраду.

137.

Как можно больше правды в искусстве! Но правды, выраженной так, чтобы требовалась по-

мощь воображения для того, чтобы правда стала действительностью.

138.

Гениальный человек всегда более готов работать, чем остальные люди, больше извлекает добра из своей работы и так мало сознает заключающийся в нем божественный дар, что готов приписать все свои способности своей работе.

139.

Все люди занимают более или менее высокую ступень той лестницы, на вершине которой неизмеримо высоко над ними стоит престол Божий.

140.

В полном соответствии с величием предметов в ряду бытия находится и полнота их покорности существующим для них законам. Закону всеобщего тяготения менее спокойно и явно пови-

нуется частичка пыли, чем солнце или луна. Океан течет и переливается под влиянием, не признаваемым реками и озерами (отливы и приливы).

141.

Во всем, относящемся до человеческого ума, весьма важно не упускать из виду самый корень; по крайней мере, мы должны всегда видеть, пробовать и исследовать его потому, что часто случается, что корень здоров, а листья хотя и пышны, но бесполезны и даже ядовиты.

142.

Ошибки чаще приписываются недостатку или средств, или терпения, чем смутному пониманию того, что нужно в сущности сделать.

143.

Не думайте, что природа — человеческая или чья бы то ни было — испорчена и что вы составляете счастливое исключение. Не думай-

те, что можно служить Богу молитвой, а не повиновением Ему.

144.

Весь восторг и вся любовь в искусстве сводится к простой любви того, что ее достойно.

145.

Все героические дела, все чисто самоотверженные страсти нашей жизни зависят от нашей способности жить даже вопреки тени смерти; и повседневное геройство простых мужественных душ состоит в том, что они могут ожидать и встречать смерть лицом к лицу в полной уверенности, что то, что им определил Создатель, не может быть дурно.

146.

Вы должны начать свое воспитание с определенной решимости узнать истину, избрав суровый и прямой путь к познанию ее. Выбор этот представляется каждому юноше и каждой де-

вушке в известный период их жизни — выбор между легким, покатым путем вниз, настолько широким, что мы можем, подплясывая, спускаться по нему в большой компании, и узкой, крутой тропинкой, по которой нам приходится идти одинокими. «Одинокество» слишком суровое слово для того, что я хочу выразить, а именно, что, как бы ни помогали нам и ни поддерживали нас друзья, учителя и предшественники, каждый из нас в критические минуты должен сам для себя определить, чем должна быть его жизнь, чтобы быть истинной. Для ложной жизни нам остается всегда следовать общему потоку.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1.

Вы должны всецело отдаться и всё отдать Христу в уверенности, что Он позаботится о том, что нужно для вас. То, о чем Он не позаботится, совсем вам не нужно, и если Он вас чего-нибудь лишит, то вам, наверное, будет без этого лучше.

2.

Никогда не ищите удовольствий, но будьте всегда готовы находить во всем удовольствие. Если ваши руки заняты, а сердце свободно, то самая ничтожная вещь доставит вам своего рода удовольствие, и вы найдете долю остроумия во всем, что услышите. Но если вы обратите удовольствие в цель вашей жизни, то настанет день, когда самые комические сцены не вызовут у вас истинного смеха.

3.

Помните всегда, что ваша рука ежечасно правит рулем корабля вашей жизни и что Учитель на отдаленном берегу благословенной Аравии до смертного вашего часа следит за его парусом на горизонте.

4.

Большинство людей думает, что, сохраняя лучшие покои в обители сердца чистыми и избранными для Христа и украшая их массой цветов и книг, оно может оставить и Вельзевулу, на случай его посещений, если не маленькую комнату, то треножник в конторе души или хотя бы уголок в судомойне сердца, где он мог бы свободно вылизывать блюда. Но это невозможно. Вы должны очистить от него, как от чумы, все уголки вашей души.

5.

Твердо знайте и глубоко чувствуйте, что вы должны каждый день вашей жизни посвящать

благу других, делая для них все, что можете. Делая, а не болтая.

6.

Рассматривайте все ваши дарования и знания как средства, нужные вам для помощи другим.

7.

Если вы сознательно недобры ко всем, то будете часто бессознательно жестоки ко многим, отчасти вследствие недостатка живости воображения.

8.

Мы должны научиться понимать ничтожество того маленького мира, в котором живем и который любим, сравнительно с тем беспрельным миром, который населяет и любит Господь, и благоговейно стремиться к тому, чтобы любовь наша не ослабевала с увеличением числа людей, на которых она распространяется, так, чтобы молитва, возносимая нами за всех угне-

тенных и обездоленных, была бы так же пламенна, как та, которую мы шепчем, прося у Бога облегчения случайных страданий близких нам людей.

9.

Каждую плохо одетую женщину, каждого плохо одетого ребенка вы должны считать личным укором себе и тем или иным путем исправлять эти упущения ваших обязанностей, пока все люди будут нарядно одеты, как птицы.

10.

Женщины обыкновенно оправдывают свою гордость и свое тщеславие тем, что роскошь содействует процветанию промышленности. Но следующий простой факт убедит всех в нелепости этого оправдания. Все ненужное, что вы покупаете будто бы для «поощрения промышленности», покупайте и немедленно сжигайте. Даже самые ограниченные женщины поймут всю нелепость таких поступков, и вы при этом можете им объяснить, что они, украшая себя не-

нужными вещами для мнимого содействия промышленности, а не сжигая их, к безумию присоединяют еще наглость и пошлость.

11.

Настоящая, истинная и конечная причина всех бедствий, несчастий и всех ужасов европейских войн заключается в том, что вы, женщины, при всей вашей доброте, религиозности и самоотверженности по отношению к тем, кого вы любите, слишком эгоистичны и слишком маловдумчивы, чтобы заботиться о ком-нибудь вне тесного круга близких вам людей. Вы воображаете, что полны сострадания к другим. Но я скажу вам, что если бы обыкновенные войны, вместо того чтобы разорять дома крестьян и опустошать их поля, только уничтожали бы фарфоровые украшения на столах ваших гостиных, то ни одна война в цивилизованных странах не продолжалась бы и недели. Я скажу вам больше: в любой момент вы, если захотите, можете положить конец войне с гораздо меньшими усилиями, чем их нужно вам для приготовления вашего обеда. Вы знаете или, по крайней мере, должны знать, что

каждая война, о которой вы слышите, служит причиной того, что многие жены становятся вдовами, многие дети — сиротами, и ни у кого из вас нет достаточно сердечности, чтобы считать их горе своим. Но, по крайней мере, вы могли бы вместе с ними носить траур. Итак, пусть каждая дама, считающая себя христианкой и сознающая свои обязанности по отношению к Богу, решится хоть наружно носить траур по убитым Его созданиям. Ваши молитвы бесполезны, ваши посещения церквей являются насмешкой над Богом, если в вас нет решимости на это. Пусть каждая женщина высших классов цивилизованной Европы даст себе обет — при возникновении каждой войны носить траур, т. е. глухое черное платье, без всяких украшений и претензий на нарядность, и, повторяю, никакая война не продлится и недели.

12.

Ни один человек никогда не вел правильной жизни, если его не охраняла любовь женщины, не поддерживала ее смелость и не руководило ее благоразумие.

13.

Жажда одобрения и рукоплескания играет последнюю роль у людей сильных и благородных и главную у людей ничтожных, а в общем служит главным стимулом человечества. В корне всех величайших усилий человечества лежит любовь к похвалам, а в основе всех великих катастроф — любовь к наслаждениям.

14.

Мы питаем особенное пристрастие к иностранным словам, маскирующим смысл; их никто не понимает, но все употребляют их, и из-за них многие готовы бороться и умереть, воображая себе, что слова эти означают ту или другую дорогую им вещь; такие слова являются настоящей шкурой хамелеона, принимающей любые оттенки, соответственно фантазии людей. Нет и не было еще таких злобных хищников, таких хитрых дипломатов и таких смертельных ядов, как эти маскирующие слова; они являются неверными, несправедливыми руководителями всех человеческих мыслей. Все наши любимые фантазии, все наши дурные инстинкты мы при-

крываем излюбленными маскирующими словами, прячась за ними; и слова в конце концов приобретают такое магическое значение, что вы ничего не добьетесь от нас, не прибегая к их защите.

15.

Истинная книга пишется, чтобы увековечить сказанное. Автор имеет сказать нечто полезное, истинное и дивно прекрасное. Насколько он знает, никто этого еще не высказывал и, насколько он чувствует, никто, кроме него, не может так высказать. А потому он обязан высказать ясно и, если можно, звучно, но во всяком случае — ясно.

В итоге своей жизни он находит, что это единственная вещь или группа вещей, которая ему стала очевидна, что это та частица истинного знания или ясновидения, которую земля и небо дали ему возможность схватить. Ему хотелось бы запечатлеть это навеки, начертать резцом на скале, как бы говоря: «Вот то лучшее, что было во мне; в остальном я ел, спал, любил и ненавидел, как и все люди; жизнь наша подобно пару —

была, и нет ее; но это та частица моего “я”, которая достойна вашего внимания, вашей памяти». Таково его «писание», таково, при всей скромности его доли, то, что внушено ему вдохновением. Такова истинная книга.

16.

Мы охотно говорим о книге: «Как она хороша! В ней именно то, что мы думали!», тогда как нам следовало бы говорить совсем другое: «Как это удивительно! Я никогда не думал так прежде, а между тем это совершенно верно, и если тут есть кое-что не совсем для меня еще ясное, то я надеюсь и со временем понять и это». Ведь вы обращаетесь к автору за его пониманием, а не для того, чтобы встретить свое.

17.

Природа человека добра и великодушна, но она узка и слепа и с трудом может понимать то, чего непосредственно не видит и не чувствует. Люди так же деятельно заботились бы о других, как заботятся о себе, если бы они могли так же

живо воображать других, как себя. Так, жизнь многих почтенных женщин протекает в мелких заботах о самих себе. Они довольствуются ничтожными интересами и пошлыми удовольствиями своего тесного кружка, потому что им никогда не приходит в голову заглянуть за пределы его и узнать что-нибудь о том обширном белом свете, в котором их жизнь вянет, как былинка сорной травы на бесплодном поле.

18.

Искусство не только не безнравственно, но помимо его в жизни очень мало нравственного; жизнь без труда преступна, а труд без искусства есть труд не людей, а животных.

19.

Прекрасен будет тот день, когда все люди поймут, что красота святости должна заключаться в труде, как и в покое. Даже больше в труде, больше в нашей силе, чем в нашей немощи; больше в выборе того, что мы будем делать в течение шести дней и что будет благом

к концу их, чем в том, о чем мы будем молить в седьмой как о награде и успокоении. С толпой, чтущей праздники, мы, может быть, иногда напрасно посещаем храм Божий и тщетно молим о том, что считаем милосердием; но тем немногим, которые работают, как велит Господь, незачем молить о милосердии и о благодати для их обширной обители. Наверное, благодать и милосердие будут следовать за ними всюду, во все дни их жизни, и они вечно будут пребывать в доме Божием.

20.

Первый урок мудрости учит нас презирать богатство, а первый урок благородства заставляет раздавать его.

21.

Не должны ли мы стремиться к такому идеалу народной жизни, при котором возвышение по ступеням общественной лестницы будет не столько пленять, сколько страшить лучших людей, и когда главным стремлением каждого граж-

данина будет не выход из положения, считаемого непочетным, а исполнение долга, возложенного на него по праву рождения.

22.

Думаете ли вы, что хоть одна женщина стала когда-нибудь лучше от того, что имела бриллианты? А между тем сколько женщин стало низкими, развратными и несчастными от желания иметь бриллианты. И стал ли хоть один мужчина лучше от обладания сундуками, полными золота? А кто измерит все зло, совершенное в мире для того, чтобы наполнить их?

23.

Человеку свойственно великодушие, а не скаредность. Скаредность порождается особой причиной, как болезнь — особыми миазмами; и существенное свойство предмета, возбуждающего скаредность, состоит в том, что человек дорожит им, хотя и не может сделать из него никакого полезного употребления. Если вы можете хорошо прочесть книгу, то пожелаете, чтобы

другие выслушали ее; если вы правильно можете наслаждаться картиной, то пожелаете, чтобы другие видели ее; научитесь хорошо управлять лошадью, плугом, кораблем, и вы пожелаете, чтобы ваши подчиненные стали хорошими наездниками, землепашцами или моряками. Вы никогда не будете в состоянии допустить, чтобы люди злоупотребляли теми орудиями, которыми вы мастерски владеете; но если ваше желание сосредоточивается на чем-либо бесполезном, то к этому желанию примешиваются вся гордость и все безумие вашего сердца, и вы становитесь вполне бесчеловечными, превращаясь в каких-то каракатиц, состоящих только из жёлудка и присосков.

24.

Жизнь есть сплошная мелодия, если человек умеет правильно и вовремя брать соответствующие ноты. Но он не должен торопиться, так как терпение лежит в корне всех удовольствий и всех сил. Даже надежда перестает доставлять счастье, если к ней примешивается нетерпение.

25.

Никогда путь к доброму знанию не пролегает по шелковистой мураве, усеянной лилиями; всегда человеку приходится взбираться по голым скалам.

26.

Благородство жизни зависит от ее стойкости, ясности цели, спокойной и непрерывной энергии. Всякое сомнение, раскаяние, вихляние, всякие подчистки, поправки и сомнения относительно того, что лучше делать в будущем, являются жалкими недостатками.

27.

Очень немного найдется людей, действительно желающих делать зло, и, пожалуй, таких даже совсем нет. Злые просто не ведают, что творят. Каин, убивая Авеля, не думал сделать чего-нибудь дурного. И среди нас есть бесчисленное множество Каинов, массами ежедневно убивающих своих братьев, не только по более ничтож-

ному поводу, чем Каин, но даже без всякого повода, просто пользуясь плотью и кровью братьев, нимало не думая, что они поступают дурно. Вся трудность в том, чтобы раскрыть людям глаза; затронуть их чувства, повлиять на их сердце нетрудно, но нелегко воздействовать на их ум. А что толку в том, что вы измените их чувства, если они по-прежнему останутся тупоумными? Вы не всегда можете быть у них под рукой, чтобы указывать им на то, что справедливо, и потому они легко станут поступать так же несправедливо и даже, пожалуй, хуже, чем прежде. Люди часто говорят, что благими намерениями вымощен ад. Но это не верно. Нельзя вымостить бездонную пропасть, а можно вымостить только путь, ведущий к ней.

28.

Правда — всегда правда, и зло — всегда зло. Только безумец, делая зло, говорит, что он делает это для чьего-то блага. И Библия резче всего клеймит подобного рода людей. Их главный и особенный способ отрицать существование Бога состоит в том, чтобы признавать всегда без-

условно справедливым общественное мнение и не придавать никакого значения мнению Бога.

29.

Результаты ваших дел оценят другие, ваши намерения знаете вы одни; нам же важно знать, было ли сердце ваше чисто и правдиво.

30.

Люди в настоящее время в громадном большинстве случаев даже честно каются из чисто болезненного эгоизма; они готовы скорее ужасаться своему злу, чем отрешиться от сосредоточивания своих интересов на себе.

31.

«Познай самого себя» есть основное правило. Но неужели вы думаете, что можно познать себя, всматриваясь в себя? Нет. Вы можете познать себя, только присматриваясь к тому, что вне вас. Сравнивайте ваши силы с силами других, ваши интересы — с их интересами; старай-

тесь понять, чем вы кажетесь им и они вам, и судите о себе как о чем-то второстепенном, исходя из уверенности, что в вас, вероятно, нет ничего особенного.

32.

Воля Бога в том, чтобы мы жили счастьем и жизнью друг друга, а не взаимным несчастьем и смертью. Люди помогают друг другу своей радостью, а не горем.

33.

Единственное, что хороший человек должен делать, это быть справедливым, научая этому и других людей. Жертва же своими силами, своей жизнью, своим счастьем есть всегда печальная и исключительная необходимость, а не исполнение вечного закона жизни.

34.

Сантиментально проповедуя устами заповедь о любви к ближнему, как к самому себе,

люди на деле, словно дикие звери, вцепляются когтями в этих ближних и попирают их ногами, причем кто только может живет трудами других.

35.

Бог — добрый Отец. Он каждого ставит там, где хочет, чтобы он работал, и такая работа есть действительно исполнение дела Отца. Он избирает для каждого своего создания то дело, которое доставит ему отраду, если оно будет выполняться просто, смиренно. Он всегда дает нам достаточно смысла и силы, чтобы выполнить желаемую Им работу; если же мы утомляемся или затрудняемся, то чисто по своей вине, и можем всегда быть уверены, что не угождаем Ему, если не находим отрады в нашем труде.

36.

Худшая и последняя нация та, о которой можно сказать, что она допускает своих молодых девушек быть грустными и истомленными.

37.

Помните всегда, что ничего нельзя делать прекрасного из соперничества, ничего благородного — из гордости.

38.

Если, честно любя ближних, вы чувствуете, что еще больше любили бы существа лучше вас; если, стремясь всеми силами побороть зло, царящее вокруг, вы жаждете наступления того дня, когда на земле воцарится правда и все холмы радостно засияют весельем; если, расставаясь с товарищами, доставившими вам все лучшие радости земные, вы желаете и надеетесь снова встретить их взоры и пожать их руку там, где взоры уже не отуманиваются и руки не слабеют; если, готовясь лечь в сырую землю среди мертвой тишины и полного одиночества, вы полны уверенности, что снова увидите Божий свет и в мире вечно непрерывающейся любви познаете то, чего жаждали, то надежда на это и есть ваша религия, а сущность ее, применяемая к жизни, и есть ваша вера. И в силу этой веры вам и обещано, что царство мира сего станет царством Бога и Христа.

39.

Духовное воспитание заключается в развитии благоговения, надежды и любви, что достигается изучением красот природы, жизни честных людей и неуклонным следованием по честным поприщам деятельности.

40.

Задача отца — развивать ум ребенка, а задача матери — воспитывать его волю. И дети до гробовой доски должны помнить слова отца и повиноваться взору матери. Презируя заботы матери, ребенок научается презирать голос Христа, а презируя отца и отчий дом, переходит непосредственно к отрицанию Бога и Божественных небес.

41.

Чтобы воспитывать в себе симпатию, вы должны жить среди живых существ и заботиться о них, а чтобы развивать в себе благоговение — жить среди красот природы и восхищаться ими.

42.

Сложенные руки не всегда самые решительные.

43.

Помните, что есть только одна власть: власть помощи, и одно честное честолюбие — честолюбие спасения других.

44.

Мудрость никогда не прощает и вечно и навеки мстит за нарушение ее законов: никогда не вернешь потерянного времени, никогда не исправишь сделанного зла.

45.

Отдать свою жизнь за поцелуй и не получить его — вот общее понятие греков о геройстве и об его награде.

46.

Счастье человека больше зависит от его способности восхищаться дарованиями других лю-

дей, чем от доверия к своим. Благоговейный восторг есть высший дар человека, и все низшие животные счастливы и благородны, лишь поскольку они могут разделять это чувство. Собака чтит вас, а муха — нет; эта способность хоть отчасти понимать более высокое существо составляет благородство собаки. Усиливайте это благородство в людях, и вы увеличите их повседневное счастье, спокойствие и достоинство; ослабляя же это чувство, вы содействуете их большому несчастью и большей пошлости.

47.

Я хорошо знаю — и, честно трудясь, вы тоже узнаете, — что благоговение есть величайшая отрада и мощь жизни. Читайте все чистое и светлое в вашей собственной юности, все истинное из испытанного людьми других возрастов, все прекрасное в живых, все великое в умерших и все дивное в бессмертных силах.

48.

Тем, что мы любим, определяется то, какие мы люди, и потому, развивая вкус, мы тем самым

образуем характер. Вкус не только часть или указатель нравственности, но в нем вся нравственность. Первое и самое точное мерило любого живого существа — это то, что оно любит. Скажите мне, что вы любите, и я скажу, что вы за человек.

49.

По мере нашего обучения искусству жизни мы будем все более находить, что все восхитительные вещи необходимы для жизни. Дикий цветок, растущий при дороге, так же необходим нам, как и посеянный хлеб, дитя лесной птицы, как и домашний скот, ведь человек жив не единым хлебом, а и манной пустыни, и каждым дивным словом и делом Божиим.

50.

Было уже высказано не раз и вполне верно, что вся разница между гением и остальными людьми состоит в том, что гений большей частью остается ребенком, смотрящим на мир широко раскрытыми детскими глазами, полными беско-

вечного удивления, при сознании не своего великого знания, а своего беспредельного невежества и в то же время своей мощи.

51.

Вся история подтверждает тот неоспоримый факт, что жизнь Бога можно постичь не рассуждениями, а повиновением, что присутствие вечного порядка в мире становится очевидно лишь при исполнении велений Бога и что только этим путем мы можем на земле познать Его волю.

52.

Из всех бесполезных трат самая непозволительная — трата труда.

53.

Природа никогда не бывает ни вполне ясна, ни вполне пуста; она всегда таинственна и обильна. Вы всегда что-нибудь в ней видите, но никогда не видите всего вполне.

54.

Знание хорошо, и свет хорош; но люди погибают, набрасываясь на знание, как ночные бабочки, налетая на огонь; и если мы не научимся у них довольствоваться той тайной, которая в известной степени необходима, то погибнем, как и они.

55.

Задача и цель человека — быть свидетелем славы Божией и содействовать ей разумным повиновением воле Отца и тем счастьем, которое мы находим в этом повиновении.

56.

Струны лиры задеты неверно, если они воспевают только славу менестреля.

57.

Нация, желающая истинного богатства, желает его умеренно и потому может щедро рас-

пределять его и с наслаждением обладать им; но желающая ложного богатства желает его неумеренно и не может ни справедливо распределять его, ни мирно наслаждаться им.

58.

Вы можете быть уверены, что никогда чистое поклонение женщинам, живым или умершим, не приносило людям вреда.

59.

Честность, как солнце, должна быть вполне свободна и, ни от чего не завися, подобно этому небесному светилу, руководить нашими днями и ночами.

60.

Жизнь — единственное наше благо, жизнь, полная любви, радости и благоговения. Богаче всех та страна, которая прокармливает наибольшее количество благородных и счастливых человеческих существ. И тот человек богаче всех, ко-

торый, выполняя наилучшим образом задачу своей жизни, имеет наиболее широкое и благотворное влияние на жизнь других людей, как своею личностью, так и своим имуществом.

61.

Работа только тогда хорошо сделана, когда выполнена с охотой, но ни один человек не может охотно работать, если не сознает, что делает именно то, что нужно в данную минуту.

62.

Все твари тем благороднее, чем полнее их жизнь.

63.

Благородное искусство есть выражение великой души, что не часто встречается.

64.

В глазах Творца всего великого и малого самая ничтожная вещь имеет такое же значение,

как и самая великая, и день, как тысячи лет, и все самые ничтожные, как и самые великие, вещи полны неизъяснимой тайны Великого Духа.

65.

Истинная Церковь там, где протянутая рука всегда встречает руку помощи, сама готова всегда помочь. Только это и есть святая мать Церковь из всех бывших и будущих.

66.

Лучший роман опасен, если, возбуждая фантазию, лишает человека интереса к обычным явлениям жизни и усиливает жажду к таким сценам, в которых ему не придется никогда принимать деятельного участия.

67.

Когда люди правильно правят землей и сознают, что власть их души над ней и ее творениями благотворна и авторитетна, они признают и власть высших сил, и имя Бога становится для

них свято, дивно и чудесно; но если они злоупотребляют землей и ее творениями и становятся не царями, правильно правящими ею, а просто борющимися скотами, то имя Божие перестает быть для них дивным, и власть Его ими не чувствуется. Тогда постепенно своеволие и невежество начинают брать перевес, и уцелевшие остатки сознания божественного закона делаются для них невыносимыми.

68.

Хотя некоторые химические или анатомические факты и кажутся современному научному интеллигенту несовместимыми с существованием Бога, тем не менее неоспорим тот исторический факт, что никогда ни счастье, ни мощь не достигались людьми вне этой жажды присутствия божественного Владыки и что бессилие, несчастье и смерть являются всегда результатом желания упразднить Небесного Царя и заместить Его разбойниками и убийцами. Неоспорим также и тот исторический факт, что только при исполнении велений Бога мудрость и присутствие Верховного Повелителя становятся

нам ясны и что только этим способом можно постичь Его пути здесь, на земле, и спасительную Его власть над всеми народами; за неповиновением же всегда следует мрак, предвестник смерти.

69.

Одно мы знаем или можем знать, если захотим, а именно, что сердце и совесть человека божественны, что в отрицании зла и признании добра человек сам является воплощенным божеством; что его радость в любви, его страдания в гневе, его негодование при виде несправедливости, его слава в самопожертвовании являются вечными, неоспоримыми доказательствами его единства с Верховным Властелином; что в этом, а не в телесных преимуществах и не в большем разнообразии инстинктов он сам является властелином над более низшим одушевленным миром. Поскольку он отрицает или нарушает веления сердца и совести, постольку он бесчестит имя Небесного Отца, а не святит имени Его на земле, поскольку же он следует им, он святит Его имя и получает от полноты Его власти.

70.

Все наши в конце концов признают истину, давно уже постигнутую теми людьми, которые были их умственными руководителями, а именно, что первоначальная добродетель человечества состоит в признании своего несовершенства и в подчинении законам высшего Существа. «Прах ты и в прах возвратишься» — есть первая истина, которую мы познали относительно себя, а вторая заключается в том, чтобы возделывать землю, из которой мы взяты, что и составляет главную нашу обязанность. В этой работе и в тех отношениях, которые она устанавливает между нами и низшими животными, заключаются основные условия развития наших высших способностей и нашего величайшего благополучия. Без этой же работы немыслимы для человека ни мир, ни развитие его ума и искусств.

71.

Существуют, конечно, всевозможные постепенные переходы от мудрости к безумию?

Нет. Безумный, как бы он ни казался мудрым, не знает своего хозяина и в сердце своем говорит: «Нет ни Бога, ни закона».

Мудрый же знает своего хозяина. Смотря по степени мудрости, он познает низших или высших хозяев, но всегда какое-нибудь существо выше себя, какой-нибудь закон, более священный, чем его собственный; закон, который ему нужно найти, изучить, полюбить и которому он должен повиноваться. Но чтобы найти высший закон, он должен начать с повиновения тому лучшему закону, который он знает. Повинуйтесь чему-нибудь, и со временем вы найдете, чему вам лучше всего повиноваться. Но если вы начнете с того, что не станете ничему повиноваться, то кончите повиновением Вельзевулу и его семи неразлучным друзьям.

72.

Хотя имеется, бесспорно, немало духовных особ, приносящих в жертву свою душу и тело (правда, я не ясно понимаю, что разумеют духовные лица, говоря, что они жертвуют душой своей) без всякой мысли о временной награде, тем

не менее проповедование Христа стало общепризнанной профессией, доставляющей этим господам средства для жизни, и современная симония отличается от симонии времен апостолов только тем, что тогда Симон, волхв, готов был заплатить за дар Святого Духа приличный куш наличными деньгами, тогда как современные Симоны вообще отказались бы принять этот дар без приличного дохода, выгодного прихода, красивой колокольни и избранного круга соседей.

73.

Крайности человеческого унижения зависят не от естественных причин, но от того, что труд бедных обыкновенно истощается роскошью богатых, а это только поощряется и усиливается местными духовными пастырями. Пастыри не в праве за деньги отпускать богатым их грехи и из пристрастия к ним освобождать их от лежащих на них обязанностей. Да, дело их состоит не в том, чтобы своим священным и непосредственным примером услаждать те приятные минуты, когда богачи предаются няньчанию и ласканию своих котов, а в том, чтобы строго запрещать им

заниматься нянчанием кошек, пока остается хоть один ребенок, которого некому ни нянчить, ни ласкать. И если бы эта истинная церковная дисциплина проводилась ими в жизни и обширный класс более или менее священных духовных особ, обедающих теперь с богатыми и проповедующих бедным, привыкли бы, напротив того, обедать с бедными и проповедовать богатым, то хотя полезный тростник и бесполезные розовые кусты по-прежнему окаймляли бы зимой берега обледеневших вод, а летом своим цветом усиливали бы прелесть ярких теплых дней, но каждый проводил бы в мире свои счастливые дни в саду мира, и блеск если не бессмертной, то все же свято охраняемой жизни и бесконечно чтимой памяти царил бы и в недрах могил.

74.

Ложное зрение хуже слепоты, и ложная речь хуже молчания.

75.

Чтение, как пища для ума, должно подчиняться тем же нравственным законам, как и еда, слу-

жащая для питания тела. Другими словами: как вы не должны есть ради удовольствия, доставляемого едой, так не должны и читать только для того, чтоб наслаждаться чтением. Только при правильном пользовании вы вполне насладитесь и книгой, и обедом. Жадность или неумеренность в чтении гораздо худший порок, чем обжорство. Скверное же, грязное чтение гораздо отвратительнее грязной еды.

76.

Как не следует ни есть, ни читать, чтобы только наслаждаться пищей или чтением, так и вообще ничего не следует делать ради того удовольствия, которое доставляется этим занятием, а всегда иметь в виду пользу. Нравственное различие между человеком и животным состоит в том, что первый поступает, имея в виду главным образом пользу, а второй — ради удовольствия. И если у вас на первом плане не польза, а удовольствие, то вы «любодействуете». Таково точное значение слов «любодеяние» и «развращенность», как они употребляются в Библии.

И закон Бога по отношению к человеку состоит в том, что если он поступает ради пользы, т. е. как слуга Бога, то наградой ему будет такое наслаждение, какое нельзя ни описать словами, ни постичь сердцем. Если же он имеет в виду не пользу, а удовольствие, то наказание, постигающее его, тоже нельзя ни описать словами, ни постичь сердцем. И это безусловно и неизбежно подтверждается ежедневно и ежечасно целым рядом фактов.

77.

Страх Божий и корыстолюбие представляют две противоположности: если человек боится или чтит Бога, то должен ненавидеть корыстолюбие, а если он страшится нищеты или чтит сребролюбие, то должен ненавидеть Бога, — и никакая середина, никакая переходная ступень тут немыслима. Точно так же немыслимо для человека, любящего богатство, быть богобоязненным; богатым может быть только тот, кто поневоле богат и старается как можно скорее стать бедным. Ведь деньги представляют собою странного рода семя: накапливаемое оно становится

ядом, а рассеваемое — хлебом, так что человек, предназначенный Богом быть сеятелем, должен, по возможности, легко нести тяготу золота и имущества, пока не найдет удобной почвы для их посева. Но лица, желающие быть богатыми и накапливающие богатства, всегда ненавидят Бога и никогда не боятся Его. Идол, которого они боятся (так как многие из них искренно набожны), воображаемый, созданный рассудком по их вкусу. Такой Бог дозволяет ростовщичество, благоприятствует раздорам и соперничеству и особенно строго следит за соблюдением субботнего дня и за тем, чтобы все посещали синагоги.

78.

Никто не может научить чему-либо стоящему познания иначе, как работой рук. Хлеб жизни может быть добыт из оболочек, окружающих зерно, только когда разотрешь их своими руками.

79.

Самое полезное и священное дело, которое мы в настоящее время можем делать для челове-

чества, это учить людей (преимущественно примером как наилучшим способом обучения вообще) не тому, как им усовершенствоваться, а тому, как им удовлетворять себя. Есть и не насыщаться есть проклятие, тяготеющее как над всякой злой природой, так и над любой злой тварью. Слова же благословения состоят в том, чтобы есть и насытиться. И как есть только один род воды, утоляющий всякую жажду, так есть только один род хлеба, утоляющий всякий голод, — это хлеб справедливости или правоты. Алчущий этого хлеба всегда насытится, так как это хлеб небесный; алчущий же хлеба или платы неправды не насытится, потому что это хлеб Содома. Для того же чтобы научить людей умению быть довольными, необходимо вполне постичь искусство радости и скромной жизни, которое теперь необходимо изучать более всех искусств и наук. Скромная жизнь чужда мечты о каких-либо излишествах в будущем, но полна радостной уверенности, что настоящая скромная жизнь ни в чем не изменится. Эта скромная жизнь есть жизнь, полная семейной любви и домашнего мира, отзывчивая на все бесплатные и добрые удовольствия, а потому главным образом на удовольствия, доставляемые наслаждением природой.

80.

Открытие, сделанное современной наукой относительно того, что вся физическая сила исходит от солнца, ввергло, с одной стороны, безумных в объятия атеизма, а с другой — явилось для мудрых самым ценным подтверждением их веры со стороны физической природы; оно дает нам арифметическую, доказуемую и поддающуюся измерению уверенность в том, что жизнедеятельные люди являются живым сиянием солнца, имеющим корни души своей в свете его, подобно тому как корни растений находятся в земле; и как прах есть источник дерева, а дерево есть оживление праха, так и живая душа есть оживление сияния солнца.

81.

Ошибка всех добрых людей в наше время состоит в том, что, вежливо протягивая руку злым, поддерживая их в их зле и часто даже содействуя им, они надеются отвести последствия этого зла, побочно стараясь исправить причиненный им вред.

Утром они, чтобы удовлетворить сердечной потребности, помогают нужде двух или трех

разоренных семей, а по вечерам обедают с этими разорителями, завидуют им и готовят-ся следовать примеру богатого спекулятора, разорившего две или три тысячи людей. Таким образом, они разрушают в несколько часов больше, чем в силах исправить в течение десятков лет, или в лучшем случае, тщетно кормя голодающее население в тылу всеистребляющей армии, стараются все более увеличить численность этой армии и быстроту ее передвижения.

82.

Нельзя должным образом любить действительное солнце, т. е. физический свет, если не любишь как следует духовный свет, т. е. справедливость и истину. Для несправедливых и лживых нет действительной радости в физическом свете, так что они даже не понимают значения этого слова. Вся система современной жизни до того развращена самыми мрачными, ужасными формами несправедливости и лжи, что люди даже и не сознают этого. Пока разбойник сознает, что он разбойник, а негодяй —

что он нечестный человек, еще небесный свет отчасти светит в них, но когда все воруют, обманывают и со спокойной совестью самодовольно посещают церковь, то свет их стал тьмою. И как велика эта тьма! Физическим же результатом этой духовной извращенности является полнейшее равнодушие к красотам небес, к чистоте рек и к жизни животных и цветов. И я думаю, что силы природы оскудели и извратились одновременно с душой человека, и потому условия гроз и физическая мрака никогда еще не были таковы с самого начала христианской эры, а все более усиливаются в связи с развитием различных форм отвратительнейших болезней, размножающихся в психике современного человечества.

83.

Я утверждаю, что люди не могут добывать себе богатств путем искусства. И все попытки добывать себе искусством средства к жизни являются одними из худших и вреднейших путей, избираемых людьми. В каждом поколении немного, очень немного таких людей, к словам ко-

торых стоит прислушиваться и произведения которых стоят внимания. И эти немногие будут проповедовать, петь и рисовать вопреки вам; они охотнее станут голодать, как кузнечики, чем перестанут петь; и даже если вы не хотите слушать их, то в силу милосердия должны бросить им несколько крох, чтобы поддержать их жизнь. Но люди, принимающиеся писать или рисовать, чтобы этим путем добыть себе средства к существованию, считают себя более благородными и менее презренными, чем обыкновенные нищие, тогда как они являются в сущности только шумливыми и вредными попрошайками. Я охотно готов платить за содержание наших бедных бродяг в рабочих домах, но не за то, что они жужжат мне в уши своими шарманками, пачкают все улицы своими плакатами и карикатурами, соблазняют молодых девушек своими негодными повестями или приводят всю нацию к гибели тысячами квадратных миль грязно напечатанной лжи, которыми она упивается каждое утро за завтраком. Если люди не в силах добывать себе хлеб честным трудом, то пусть не кричат на улицах, а попридержат свой язык и скромно протягивают свои праздные руки, и их милостиво накормят.

84.

Не повиноваться Богу, поддаваясь искушению, есть грех человеческий, а не повиноваться из-за любви к неповиновению есть грех дьявольский. Повиноваться Ему из-за благ жизни есть человеческая добродетель, повиноваться же из-за любви к повиновению есть ангельская добродетель.

85.

Ежедневно возвещать правду Божию, исполнять дела Его справедливости и геройски нести Его меч — все это требуется от каждой человеческой души, по мере ее способностей, причем безусловно должны быть упразднены платные профессии проповедников, законодателей и воинов.

86.

Утомление и бедность — две различные вещи. Бедность облагораживает и предохраняет; утомление унижает и подвергает опасности. Мы все

обязаны исполнять нашу задачу, но счастливы только, когда можем при этом наслаждаться покоем.

87.

Человек есть солнце мира больше, чем видимое на небе. Огонь его дивного сердца есть единственный свет, заслуживающий определения и измерения. Где человек, там тропики; где его нет, там царство льда.

88.

Всякое воспитание должно быть сначала нравственным, а затем умственным. Умственное прежде нравственного, а тем более без него не может быть совершенно, а несовершенное воспитание есть зло, а не благо.

Нравственное воспитание состоит в том, чтобы содействовать развитию способностей воспитания, надежды, любви.

Это достигается изучением прекрасной природы, жизни благородных людей и благородных предметов деятельности.

89.

Собственность человека состоит из:

А) полезных вещей;

Б) честно добытых;

В) и умело употребляемых.

Такова должна быть азбука собственности, и потому собственность и называется добром.

90.

Природа никогда не допускает великой истины открыться тому, кто, предвидя ее последствия, отказывается от нее. Такой человек уже во власти великого обольстителя и хочет с каждым дальнейшим усилием все больше обольщаться и верить в справедливость своего заблуждения.

91.

Покой души вашей вы найдете, если возьмете на себя иго Христа, но радость Его найдете, только когда понесете это иго так долго, как Он того от вас потребует, и только тогда вы истинно войдете в радость Господина своего.

92.

Никто не отрицает пользы добрых дел, но принцип справедливости состоит в том, чтобы не заставлять платить себе за то, что вам ничего не стоит. Ваш ближний, не предусмотрев, неожиданно попадает под дождь. Вы можете оказать ему тройкую услугу: одолжить свой зонтик, дать денег на извозчика или пригласить переждать дождь в вашей комнате. Если вы возьмете с него за пользование зонтиком, то это будет прибыль с капитала; если возьмете за одолженные деньги, то это будет лихва, процент, рост; если же возьмете плату за пользование комнатой, то это будет рента. Все это одинаково воспрещено законом Христа, и, в сущности, эти благовидные и лицемерные грехи гораздо хуже прямого отказа человеку в крове, зонтике и деньгах. В последнем случае вы почувствовали бы все свое зверство и могли бы со временем раскаяться и измениться; в первом же случае вы считаете себя человеком честным и любезным и рассчитываете на небесную награду за вашу доброту, и, таким образом, весь строй общества является до самой сердцевины подточенным этой гнилью. Уясните себе во что бы то ни стало, что справедливо,

и если даже сразу вы и не будете в силах поступать, как следует, то все же, при желании и усилении, с каждым днем будете становиться справедливей.

93.

Глубоко вдумываясь, вы найдете, что главное бедствие нашего злополучного века заключается во всеобщей болтовне его безумцев и толпы их последователей, болтовне, заглушающей спокойные голоса мудрых людей всех прошлых веков. Это является, во-первых, результатом изобретения книгопечатания и легкой возможности для тщеславных людей видеть свое имя в печати. Когда требовался тяжелый труд целого года, чтобы выпустить книгу, люди несколько отличали одну книгу от другой. Но теперь, когда каждый может в неделю выпустить сколько угодно экземпляров своей болтовни, и эта болтовня доставляет им средства к существованию, так что они могут насыщать свой желудок бешеной пеной своих губ, то всеобщая эпидемия лжи испещряет все умы, как цикады лавровые листья, и потому первая задача нашего умственного просветления со-

стоит в том, чтобы освободить из-под шума, производимого этими болтунами, те немногие книги и слова, которые действительно божественны.

94.

Презирая все доброе, что было и что есть в великих людях, мир выбирает только то, что может найти дурного и, таким образом, портит, извращает и сводит к нулю и даже ко вреду все силы величайших людей.

95.

Раздавать хорошую пищу, красивую одежду и произведения искусств есть истинное дело отцов и матерей всех народов. Только непосредственно предаваясь этой помощи, они могут благотворно влиять на людей, способных к возрождению. Поэтому вы, восседающие за пышными яствами, зовите с улиц подонки общества, сажайте их за свой стол, и, таким образом, вы постепенно поймете, как ваш ближний дошел до своего жалкого положения. Пусть ваши собственные обеды будут самые простые, пока обе-

ды бедняков не будут обильны, или иначе вы не христиане. И вы, носящие пышные одежды, надевайте простые блузы и передники, пока бедняки не будут одеты прилично и красиво, — иначе вы не христиане; и вы, поющие и играющие на различных инструментах, повесьте ваши арфы на ветви у рек, зачумленных вами, и постарайтесь внести мелодии в души тех безумных, пошлых и глупых людей, которых вы же создали, — иначе вы не христиане.

96.

Лучше перестаньте говорить о независимости, так как вы зависите не только от каждого поступка окружающих вас людей, о которых вы никогда и не слыхали, но и от каждого поступка всех прошлых людей, тысячи лет тому назад превратившихся в прах. Точно так же и грядущие тысячелетия зависят от той крохотной гибнущей доли силы, которая заключается в вас, — крохотной силы, часто гибнущей без всякой награды, но которую вы, тем не менее, должны хорошо использовать. Поймите это. Добродетель состоит не в том, чтобы делать то, за что вы, добродетель-

ная личность, получите немедленную награду или даже награду вообще. Награда может быть, но может и не быть, хотя когда-нибудь час возмездия, конечно, настанет. Но жизненное условие добродетели, как добродетели, состоит в том, чтобы довольствоваться ею и желать, чтобы награда досталась другим; жизненное же условие порока состоит тоже в том, чтобы наслаждаться им и желать, чтобы возмездие за дела его доставалось на долю других.

97.

У меня много друзей среди священников, и было бы еще больше, если бы я постоянно не пытался убедить их, что они слишком много верят в паникадила, мало — в свечи, еще меньше — в солнце, а меньше всего — в Творца, создавшего солнце.

98.

Мне всегда очень трудно убедить молодых девиц, что сами они не что иное, как очень грациозный род восковых свечей, почему-то вооб-

разивших, что созданы для того, чтобы ими любовались во славу Божию, а не для того, чтобы светить людям.

99.

Торговать знанием, которое мы считаем исходящим от Духа Святого, значит снова продавать своего Бога, а это есть дело Искарриота.

100.

Первая причина всех войн и всей необходимости национальной защиты кроется в том, что большинство людей, высоко- и низкопоставленных, во всех государствах Европы — воры, завидующие добру, стране и славе своих соседей.

Но они не только воры, а и безумцы и никогда не в состоянии понять, что благосостояние их соседей есть вместе с тем и их благосостояние, а бедность их соседей, вследствие общности всех людей, созданной Богом, становится в конце концов и их бедностью. *Invidia* — зависть к добру соседей, с того момента как прах облекся плотью, стала проклятием людей,

а *Charitas* — потребность оказывать добро соседям — есть единственный источник всей человеческой славы, мощи и материального благословения.

101.

Явный грабеж, как он ни груб, но если совершается смело и открыто, не развращает душу человека. Но скрытый грабеж, прячущийся сам от себя, узаконенный, подлый, трусливый и вместе с тем пользующийся почетом, развращает все фибры тела и души человека. И грабители Европы, действительные виновники всех братоубийственных войн, это капиталисты, т. е. люди, живущие на процент с труда других людей, вместо того чтобы получать определенную плату за свой. Они все время держали рабочих в бедности, невежестве и греховности, чтобы иметь возможность, пользуясь этим невежеством, присваивать себе продукты их труда. Но вот сознание этого своего положения слегка пробуждается в рабочих, и рано или поздно капиталистам придется встретиться лицом к лицу с рабочими, какими они сами их создали.

102.

Воспитание, которое я хотел бы дать детям, можно выразить в следующих немногих словах: они будут уметь взирать на небеса, дышать ими и понимать, как следует жить под небесами в вечном присутствии Отца.

103.

Начало каждого хорошего закона, а пожалуй, и конец его заключаются в том, чтобы каждый человек добывал свой хлеб хорошим трудом и получал хороший хлеб за свой труд.

104.

Профессора ботаники забыли, что их наука на первоначальном греческом языке означала науку о предметах, годных для еды, и продолжали считать ее наукой о предметах, подлежащих только номенклатуре. Аристократия политики забыла, что ее пригодность состоит главным образом в том, чтобы в фигуральном смысле служить пищей, и вообразила, что все ее превосход-

ство, вся ее красота и мощь в том, чтобы носить пышные названия.

105.

Если бы десятую часть тех сумм, которые вы ежегодно тратите на возведение укреплений против мнимых врагов, употребляли на лучшее положение тех людей, которые могут стать вашими действительными друзьями, то бюджет ваш много выиграл бы от этого.

106.

Люди обыкновенно утверждают, что личная практическая деятельность бессильна сколько-нибудь повлиять на изменение или задержку обширной системы современной промышленности или способов производства и торговли.

Я же, вдумываясь в ту массу умных разговоров, которая входит в одно длинное ухо мира и выходит из другого, не производя ни малейшего впечатления на его ум, испытываю иногда непреодолимое желание попытаться весь остаток жизни употребить на то, чтобы молча делать то

дело, которое я считаю разумным, и никогда ни о чем больше не говорить.

107.

Самим Создателем предопределено, чтобы мерилом всех человеческих поступков служила не выгода, а справедливость, и в силу этого все усилия определить степень выгоды всегда бесплодны. Ни один человек никогда не знал, не знает и не может знать, каковы будут, как для него, так и для других людей, конечные результаты известного поступка или целого ряда поступков. Но каждый человек может знать, и большинство знает, какой поступок справедлив и какой — нет. И все мы точно так же можем знать, что последствия справедливости будут в конце концов наилучшие как для других, так и для нас, хотя мы не в силах заранее сказать, каково будет это наилучшее и в чем оно будет состоять.

108.

Наибольшее количество работы получается, когда побудительная сила, т. е. воля и энергия че-

ловека, достигает наибольшей мощи в силу своего собственного пламени, а именно своих симпатий.

109.

Относитесь хорошо к людям в расчете получить выгоду от их благодарности, и вы получите заслуженное, т. е. ни малейшей благодарности, ни малейшей отплаты за вашу мнимую доброту; но отнеситесь к ним хорошо без всяких корыстных соображений, и вы достигнете и благодарности, и пользы. И так во всем: «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее».

110.

Сила рубля в вашем кармане вполне зависит от отсутствия его в кармане вашего соседа; и искусство богатеть — в обычном смысле меркантильных экономистов — есть неизбежно также искусство удерживать ближнего в состоянии бедности. Или, точнее выражаясь, богатство есть искусство водворять наибольшее неравенство ради личной выгоды.

111.

В богатстве действительно пленительна власть над людьми: в самом простом виде — власть над трудом прислуги, работников, ремесленников и художников; в более же широком смысле — авторитет, дающий нам возможность направлять обширные массы людей к различным целям: добрым и хорошим или пошлым и вредным, смотря по характеру владельца богатств.

112.

Если вы вникните в историю происхождения мошенников, то поймете, что они действительно являются таким же продуктом производства, как и все остальные предметы, и именно потому, что наша современная система политической экономии содействует их производству, она и является несомненно ложной. Нам следовало бы поэтому приискать систему, развивающую честных людей, а не придумывать ловкого способа обращаться с мошенниками. Преобразуем наши школы, и нам не придется много заботиться о преобразовании наших тюрем.

113.

Обращение богатства в нации напоминает обращение крови в животном организме. Кровь движется быстрее как под влиянием радостных ощущений и здоровых упражнений, так и от стыда или лихорадочного состояния. Есть приливы крови здоровые и оживляющие и есть ведущие к гниению и разложению.

Так и по количеству накопленных богатств нельзя судить о том, являются ли они добром или злом для нации, обладающей ими. Действительное их значение зависит от их нравственного свойства, подобно тому, как значение математической величины зависит от ее алгебраического знака. Известное, накопленное промышленное богатство может служить, с одной стороны, указателем существования честной промышленности, прогрессивной энергии и производительной изобретательности, а с другой — губительной роскоши, безжалостной тирании и разоряющего мошенничества.

114.

Некоторые богатства тяжелы от пролитых человеческих слез, как плохо убранный урожай тя-

жел от несвоевременных дождей, и иное золото блестит ярче, чем оно того заслуживает.

115.

Так как сущность богатства состоит во власти над людьми, то не вытекает ли из этого тот непосредственный вывод, что чем люди благороднее и чем больше их, тем больше и самое богатство. Да, истинные жилы богатств залегают не в скалах, а в теле, и конечная цель производства и потребления всех богатств заключается в создании возможно большего количества человеческих существ, дышащих полной грудью, радостно смотрящих на жизнь и счастливых чистым сердцем.

116.

«Не будь грабителем бедного, потому что он беден», — говорит Соломон. Это ограбление бедного, «потому что он беден», составляет специальную промышленную форму грабежа, состоящую в том, чтобы пользоваться нуждой человека для приобретения его труда

или собственности по возможно низкой цене. Противоположная форма обычного ограбления богатого на больших дорогах за то, что он богат, по-видимому, как менее выгодная и более опасная, редко практикуется осторожными людьми.

117.

Люди бессмысленно любят и тщетно верят, оставаясь несправедливыми, и великое заблуждение лучших людей из поколения в поколение состояло в том, что они помогали бедным милостыней, проповедью терпения, надежды и всевозможными другими смягчающими и утешающими средствами, а не путем, единственно заповеданным нам Богом, не путем справедливости.

118.

Привилегия рыб, крыс и волков состоит в том, чтобы жить по закону спроса и предложения, законом же жизни человечества является справедливость.

119.

Абсолютная справедливость, правда, так же недостижима, как и абсолютная истина, но справедливый человек отличается от несправедливого своим стремлением к справедливости и надеждой достигнуть ее, как правдивый от лживого — своей жадой истины и верой в нее.

120.

Управление и кооперация — всеобщие законы жизни, а разрушение и соперничество — законы смерти.

121.

Нет сомнения, что работа есть тоже роскошь, притом очень большая, но вместе с тем она и потребность: никто не может без нее сохранить своего здоровья, ни телесного, ни духовного. Я так глубоко чувствую это, что готов советовать филантропам побуждать богатых больше заниматься этой роскошью. Однако опыт показывает, что можно злоупотреблять даже самыми здоро-

выми удовольствиями и что люди способны страдать от излишка работы так же, как богатые от излишка пищи, а потому не мешало бы позаботиться для одних о более легкой обеде и более тяжелом труде, а для других — о более легкой работе и более питательной еде.

122.

Капитал есть глава и источник богатства, как облака служат источником дождя, но когда облака безводны, они наконец проявляют свой гнев в громе и молнии, не орошая нивы дождем и не содействуя урожаю.

123.

Увы! Не лишение пищи самое жестокое, и не вопли о ней самые сильные. Жизнь дороже пищи. Богатые лишают бедных не только пищи, но и добродетели, мудрости и спасения. Вы — овцы без пастыря, и не пастбища недоступны вам, а присутствие Его. Пища! Может быть, еще спорны ваши права на нее, и вам следует добиваться других прав. Требуйте крох со стола, если хотите, но требуйте их, как дети, а не как псы.

Требуйте своего права быть накормленными, но еще громче требуйте права быть святыми, совершенными и безупречно чистыми.

124.

Желание сердца есть также свет очей.

125.

Помните всегда великую и неизменную истину — правило и основу всей экономии, — что то, что вы имеете, не может иметь никто другой и что каждый атом любого вещества, которым вы пользуетесь или который вы потребляете, представляет собой частицу человеческой жизни. Если она идет на поддержание или спасение настоящей жизни или на развитие и создание большей жизни, то потреблена хорошо, в противном же случае она или задерживает развитие жизни, или губит ее.

126.

Роскошь невинная возможна только в будущем — роскошь для всех и при содействии всех;

но теперь роскошью могут пользоваться только люди, не понимающие, какой ценой она достигается. Самый жестокий человек не мог бы восседать за ее пиром, если бы мрачные стороны ее не прикрыты были завесой. Смело приподымайте завесу и смотрите; и если теперь свет очей еще застилается слезами и красота тела обезображивается дерюгой, то плачьте, но сейте драгоценное семя, пока не настанет время и то царство, в котором Христов дар хлеба и завет мира будут достоянием «как последнего, так и всех вас».

127.

Мы обыкновенно верим в бессмертие, чтобы избежать приготовления к смерти, и в отсутствие бессмертия, чтобы избежать приготовления к будущей жизни.

128.

Человек рожден для труда, горя, страдания и радости. И никакая жизнь не может быть правильна, если ей недостает одного из этих элементов.

129.

У вас могут быть ваши флейты и свирели, но есть сыны печали, грустные дети на ваших рынках, которые не могут сказать вам: «Мы играли вам на свирели, и вы не плясали», а всегда будут говорить: «Мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали».

130.

Если работа для вас главное, а плата — вещь второстепенная, то вашим господином является труд и его творец — Бог. Но если работа для вас вещь второстепенная, а главное плата, то вы рабы платы и творца ее — дьявола, и притом самого низкого и последнего из дьяволов.

131.

Тупоумие всегда в основе сделок иуд. Мы крайне несправедливы к Искарриоту, считая его выдающимся дурным человеком. Он был обыкновенным любителем денег и, как все подобные люди, не мог понимать Христа, не мог оценить

Его, не мог уяснить себе Его значения. Он никогда не думал, что Христа казнят, а когда увидел, что Иисуса осудили, то ужас напал на Иуду, он бросил деньги, пошел и удавился. Много ли, думаете вы, найдется теперь таких людей из числа любителей денег, которые повесились бы из сострадания к кому бы то ни было, казненному из-за них?

132.

Таков закон неба, что вы не в состоянии решить, что разумно и что легко, пока не решите, что справедливо, и не станете поступать по справедливости. «Творите правду и суд» — вот правило из всех правил, чаще всего повторяемое Христом. Таково веление Библии, и в этом состоит служение Богу, а не в чтении молитв и не в пении псалмов.

133.

Единственное божественное дело, единственная заповеданная жертва есть справедливость, а мы меньше всего склонны исполнять ее. Требуй-

те от нас, чего угодно, только не справедливости. «Но милость, — скажете вы, — превозносится над судом». Да, она больше справедливости, она его вершина, она — храм, основанием которому служит справедливость. Но вы не можете достигнуть вершины, не начав с основания. Вы можете основывать ваши дела не на милости, а только на справедливости по той простой причине, что милости нет без справедливости. Она — последняя награда за доброе дело.

134.

Оказывайте ближнему справедливость — вы можете это делать, любя и не любя его, — и вы научитесь его любить. Но если вы несправедливы к нему, потому что не любите, то кончите тем, что возненавидите его.

135.

Люди обыкновенно платят только тем, кто их потешает или обманывает, а не тем, кто им служит. Пять тысяч говоруну и полтинник землекопу, мыслителю — таково общее правило.

136.

Каждый раз, когда сыны мира, честно потрудившись умом и сердцем на благо мира, приходят затем к его князю, говоря: «Дай нам немного хлеба, чтобы поддержать только нашу жизнь», он неизменно отвечает им: «Нет, дети, я дам вам не хлеба, а камень, и не один камень, а сколько нужно камней, чтобы заставить вас замолчать и передать будущим поколениям повесть о том, как вас невзлюбили ваши современники».

137.

Бесполезно объединять умы, если сердца рабочих не бьются заодно. Плечо к плечу, рука с рукой, соединившись вместе и никому не протягивая предательской руки, они победят мир.

138.

Вы толкаете человека в яму и затем говорите ему, что он должен быть доволен тем положением, в которое поставило его Провидение. Таково наше современное христианство! Вы говорите:

«Мы не толкали его». Да, конечно, мы до тех пор не будем сознавать всего, что делаем и чего не делаем, пока каждое утро не будем задавать себе вопроса, как нам в течение дня делать не то, что выгодно, а что справедливо, пока мы не станем настолько, по крайней мере, христианами, чтобы признать справедливость изречения магометан, гласящего, что «час справедливости стоит больше семидесяти лет молитвы».

139.

Каждого из нас учили ежедневно молиться: «Да придет царствие Твое». Когда мы слышим, как человек божится на улице, мы негодуем и говорим, что он все призывает имя Бога. Но мы в двадцать раз хуже призываем имя Его все, когда мы просим у Бога то, о чем мы нимало не заботимся и чего нам совсем не нужно. Он не любит таких прошений. Если вам чего-нибудь не нужно, не просите об этом: такая молитва есть самое ужасное издевательство над Богом; воины, бившие Его прутьями по голове, не так издевались над Ним, как мы. Если мы не желаем пришествия Его царства, то не должны об этом мо-

литься. А если желаем, то должны не только молиться, но и трудиться для этого пришествия.

140.

Старайтесь не накапливать возможно больше денег, а делать возможно больше добра на те деньги, которые имеете.

141.

Теперь у нас имеется номинальная религия, которой мы отдаем десятину нашего имущества и седьмую часть нашего времени, и есть практическая, действительная религия, которой мы посвящаем девять десятых нашего имущества и шесть седьмых нашего времени. И мы очень много спорим о номинальной религии, но вполне единодушны относительно практической, верховную богиню которой можно назвать богиней Наживы.

142.

Меня всегда удивляло, что странствующие рыцари никогда не рассчитывали на плату,

а странствующие торговцы всегда; что люди готовы терпеть всякого рода лишения из-за пустяков, но не готовы дешево продавать хлеб; охотно совершают трудные крестовые походы для завоевания Гроба Господня, но никогда не предпринимают ни малейшего похода для исполнения велений живого Христа; босые готовы идти куда угодно, чтобы проповедовать свою веру, но должны быть подкупаемы обещаниями, чтобы практически применять ее в жизни; готовы даром раздавать Евангелие, но не хлеб и не свою работу.

143.

Когда же наконец будет считаться победой не опустошение полей, а возделывание бесплодных земель, не разрушение сел, а постройка их?

144.

Благородный человек может быть беспечен и не вдумчив только на смертном одре и никогда не оставляет ничего необдуманного до смертного часа.

145.

Все высшие добродетели начинаются со скромности и правдивости перед лицом всех девушек, с правдивости, сострадания и почтительности ко всем женщинам.

146.

Истинная жена является слугой в доме мужа и царицей в сердце его. Во всем лучшем, что он замышляет, главная доля принадлежит ей, самые возвышенные его надежды внушены ею. Его душу она должна освободить от мрака и наполнить светом; когда он колеблется на пути правды, она поддерживает его и придает ему энергию; от нее получает он лучшую свою награду и в ней находит истинное успокоение от всех тревожений и битв жизни.

147.

Никогда не исполняя ни одного из ясных предписаний Библии, мы так заботимся о ее репутации и, нимало не стараясь следовать ее духу, так тщательно оберегаем ее букву. Библия учит нас одеваться просто, а мы сходим с ума от наря-

дов; Библия учит нас состраданию к бедным, а мы давим их колесами наших пышных карет; Библия учит нас творить суд и правду, а мы даже не знаем и не стараемся узнать, что Библия разумеет под этими словами.

148.

Поскольку вы можете находить существа выше вас, на которые вы взираете с чувством благоговения или глубокого почтения, постольку вы и становитесь благороднее и счастливее. Если бы вы могли всегда жить среди архангелов, вы были бы счастливее, чем в обществе людей; но даже среди дивных рыцарей и прекрасных дам вы были бы тем счастливее, чем сильнее они своим благородством и красотой вызывали бы в вас глубокое чувство почтения к себе. И наоборот, если бы вас осудили жить в толпе идиотов, существ немых, безобразных, злых, вы не были бы счастливы при вечном сознании своего превосходства. Таким образом, вся действительная радость и вся сила человеческого прогресса зависят от того, что люди находят достойный предмет поклонения, а вся низость и всё злополучие человечества начинается с привычки все презирать.

149.

Земля со всеми своими дарами есть вечная благая весть.

150.

Во всем творении нет ничего такого низкого, чего мы не могли бы вознести на крыльях любви, и ничего такого доброго и хорошего, что не было бы лишь бледным символом Евангелия Христа и того, что приуготовлено Им для любящих Его.

151.

Бог поставил человека в раю, возложив на него охранение и возделывание рая; но во что мы обратили его? Мы опустошили его сад, откармливая боевых коней цветами и срубая ветви для дротиков.

152.

Мудрому человеку так же несвойственно много рассуждать о природе существ, стоящих выше его, как и о природе существ ниже его. Слишком не-

скромно предполагать, что человек может постичь первых, как и слишком унижительно предполагать, что он может всецело сосредоточить свое внимание на вторых. Признавать свое вечное относительное и величие, и ничтожество, познавать себя и свое место в природе, быть довольным своей подчиненностью Богу, не в силах будучи постичь Его, и управлять низшими тварями с любовью и добротой, не разделяя их животных страстей и не подражая им, — вот что значит быть смиренным по отношению к Богу, добрым по отношению к Его тварям и мудрым по отношению к себе.

153.

Странно думать, что физические науки могут когда-нибудь быть враждебны религии. Науки, как и все тщеславное, враждебны не только религии, но и истине; истинная же наука не только не враждебна религии, но и прокладывает в горах тропинку для идущих вещать в мир.

154.

Для чего бы ни были созданы шершни, саранчи и змеи, бесспорно одно, что мы можем и обяза-

ны установить между ними и нами вечное и резкое различие в том, чтобы не иметь никогда кинжала при себе и яда в своих устах; при этом очень важно решить, станем ли мы царями над этими тварями тем, что достигнем такой безвредности, которой они не могут превзойти, или тем, что станем жалкими, презренными и ненавистными, избрав сознательное зло, немыслимое для них.

155.

Великие нации записывают свои автобиографии в трех летописях: летописи дел, слов и искусств. Ни одна из этих летописей не может дать полного понятия без остальных, но из них летопись искусств есть самая правдивая. Дела нации могут быть победоносными по счастливой случайности, слова — мощными благодаря таланту многих ее сынов, но искусства велики только при общей даровитости и отзывчивости всей нации.

156.

Все произведения искусства сами по себе не имеют значения, но, как выражение высшего состояния человеческого духа, их значение громад-

но. Как результаты, они, пожалуй, ничтожны, но как знамения — бесценны; неоспорима та истина, что всюду, где человеческие способности достигают известного развития, они неизбежно должны проявиться в искусстве, и сказать, что нация ни в чем подобном не проявляет себя, — значит утверждать, что она опустилась ниже уровня, свойственного человеческой природе.

157.

Наиболее торжественное осуждение с высоты престола суда слышим мы не за то, что сделали, а за то, что должны были сделать и не сделали. Люди постоянно боятся, как бы не сделать чего-нибудь дурного; но если мы только не делаем энергично добра, то делаем всегда зло.

158.

Как цвет разъедается морозом, так сердце человека разъедается неверием. И как завязь неизбежно и несомненно гибнет от восточного ветра, так и мощь самого доброго человеческого сердца гибнет, если вы отравляете его ядом неверия.

159.

Для нас каждый день есть день суда, своего рода *dies irae*, начертывающий свой неизменный приговор на пламенеющих скрижалях заката. Этот суд не ждет, когда разверзнутся двери могилы: он всегда тут, у наших дверей, на углах наших улиц. Наши судьи окружают нас со всех сторон: это те насекомые, которых мы топчем, те минуты, которые мы тратим без пользы для других, наша пища, поскольку мы являемся ее рабами, все соблазнительные удовольствия, поскольку мы отдаемся им, и многое, многое другое, вечно напоминающее нам, что, пока мы носим образ человека, мы должны и совершать дела, достойные людей.

160.

Истинное благо и истинная слава мира должны все еще быть добыты трудом и слезами. И каждая правдивая душа должна всегда задать себе вопрос, есть ли у нее такая вера, есть ли нечто такое дорогое, за что она радостно готова умереть.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1.

Есть три важных дела, указанных в законе: «Справедливость, милость и вера». Из них наш Учитель ставит веру последней, потому что познать ее можно только путем целого ряда дел справедливости и любви. А люди из всех сил стараются выдвинуть на первый план веру, разумея под верой свои личные мнения. И вот мир, имея очень много людей, готовых претерпеть страдания из-за так называемой ими веры, имеет очень немного готовых пожертвовать очень незначительными удобствами ради дел справедливости и любви.

2.

Никогда в мире не была сделана хорошая работа за деньги, и никогда мысль о деньгах не влияла благотворно на душу художника. Как только

мысль о денежной стороне примешивается к работе, так тотчас же сила дарования художника слабеет, и притом вполне соответственно сознательности этой мысли.

3.

Тщеславному человеку никогда не доставляет удовольствия обладать тем, чего никто у него не оспаривает, и, не встречай он в лице вашем соперника, состязанию его невольно положен был бы конец.

4.

До настоящего времени мы приобретали все наши исторические сведения путем слуха, а отнюдь не путем зрения; всё, что мы знаем по части истории, мы знаем из словесных описаний, а не из зрительных изображений. Но я нимало не сомневаюсь, что по мере того, как мы будем становиться умнее — а мы становимся умнее с каждым днем, — мы будем все яснее понимать, что глаз более благородный орган, чем ухо, и что путем зрения мы в действительности должны

приобретать и оформлять почти все полезные сведения, которые нам надлежит иметь о здешнем мире.

5.

Кто может достаточно оценить то влияние, какое имеет правдивое и трогательное изображение деяний и образов великих людей на душу юноши, перед которым раскрывается мир? Сколько решений, изменяющих и облагораживающих всю его дальнейшую жизнь, может возникнуть и сложиться в его душе, когда он в мечтательном полусвете, сквозь собственные слезы, увидит перед собою устремленные на него спокойные, но энергичные взоры теней великих покойников, взоры, пронизывающие его душу, или когда ему покажется, что уста их шепчут ему упрек или тихое увещание?

6.

Время и силы наши бесполезно тратятся не только на жалкую взаимную борьбу, но и на бесплодные жалобы, безосновательные противо-

действия, пустые исследования и бесполезные эксперименты в области законодательства, избирательной практики и всякого рода измышлений, в вечной надежде раздобыть мудрость из какого-нибудь вновь изобретенного отделения в ящике для баллотировки и извлечь благосостояние из облаков при помощи каких-нибудь новых пучков электрической проволоки, тогда как в это время мудрость вызывает на перекрестках улиц, и небесные благословения готовы излиться на нас дождем, более обильным, чем реки, и более живительным, чем роса, если только мы будем повиноваться первым простым принципам человечности и первым явным указаниям неба, гласящим: «Оказывайте справедливую милость и сострадание каждый к брату своему и зла друг против друга не мыслите в сердце своем».

7.

Разве не поразительно, что в то время, как мы стыдимся воспользоваться преимуществом нашей физической силы, чтобы столкнуть наших более слабых товарищей с выгодных мест, мы, не колеблясь, пользуемся нашими духовными преи-

муществами, чтобы оттолкнуть их от тех благ, которых мы можем достигнуть благодаря энергии нашего ума или характера. Вы бы почувствовали страшное негодование, если бы увидели, как сильный мужчина, войдя в театр или в аудиторию и спокойно высмотрев себе наиболее удобное место, взял бы за плечи более слабого, сидевшего на нем, и отправил его в задние ряды или на улицу. Вы точно так же вознегодовали бы, если бы увидели, что здоровенный парень бросился к столу, за которым сидят несколько голодных детей, и, протянув свою руку над их головами, отобрал у них хлеб. Но вы нисколько не негодуете и считаете вполне справедливым, чтобы человек, обладающей силой мысли, быстротой соображения и одаренный вместо длинной руки гораздо более ценным талантом в виде сметливой головы, пользовался этими дарами с целью отнимать хлеб у других людей, занимающихся одинаковым с ним делом, или пользовался широтой и проницательностью своего взгляда, чтобы опутать некоторые отрасли промышленности своей страны одной обширной паутиной, в которой он является главным пауком, прикосновением своих лап заставляя каждую нить колебаться, а проницательным своим

взором распоряжаясь всем окружающим. И вы не находите в этом ничего несправедливого?!

8.

Мощь дана человеку не для того, чтобы он давил слабого, а для того, чтобы он поддерживал его и помогал ему.

9.

Вы, капиталисты, можете поднять ваш скипетр над головами рабочих и, когда они преклонятся перед мановением его, сказать им: «Уничтожьте эти соблазны, вводившие в заблуждение ваших отцов; устраните эти язвы, губящие ваших детей; оросите эти пустыни, вспашите нивы, заросшие бурьяном, доставьте пищу голодным, свет сидящим во мраке и жизнь умирающим». Или же вы можете сказать тем же рабочим: «Вот я; эта власть в моих руках; идите воздвигайте гору, на которой я мог бы восседать, словно на престоле, гору высокую и широкую; устраивайте корону для моей головы, чтобы люди издали видели ее блеск; тките ковры для моих ног, что-

бы я нежно ступал по шелку и бархату; танцуйте предо мной, чтобы я мог веселиться, и напевайте мне нежные песни, чтобы я мог сладко дремать, — так проживу я в веселии и умру в почете». Но лучше, чтобы такой почетной смерти совсем не существовало, как и того дня, когда такой человек явился на свет, и той ночи, когда мать зачала его.

10.

Нам нужно любить не фрески, а Бога и Его твари; нужны смирение, милосердие, нужна самоотверженность, нужно воздержание... Пусть нация будет здорова, счастлива, чиста в своих радостях, мужественна в своих делах и величественна в своих влечениях, привязанностях, и тогда искусство в ней и кругом нее забудет так же свободно, как пена стремительного потока. Людям нужны добродетели прежде всяких знаний; стране нужна социальная организация, основанная на справедливости и честности, прежде любой школы искусств; прежде чем воспевать людям красоту, нужно прислушаться к страшному призыву человеческих бедствий

о помощи, голос которого является ревом кровавой реки.

11.

При каждой покупке обдумайте прежде всего, какого рода существование вы порождаете для лиц, производящих эти продукты; во-вторых, насколько цена, платимая вами, представляет справедливое вознаграждение и сколько ее остается в надлежащих руках; в-третьих, для какой цели в деле удовлетворения материальных потребностей, умственных запросов или эстетических наслаждений может послужить купленная вами вещь; в-четвертых, между кем и каким образом может с наибольшей пользой быть распределено купленное вами; причем старайтесь соблюдать полную искренность и строгую точность.

12.

Каждый человек, пытающийся купить какую бы то ни было вещь ниже ее действительной стоимости, продать дороже, чем она стоит, за-

ставляющий ждать за собою деньги, равно как и каждый промышленник, кредитом соблазняющий потребителя входить в излишние расходы, содействуют по мере своих сил развитию и поддержанию низкой и бесчестной промышленной системы и ведут свою страну к разорению и позору.

13.

Люди, обладающие средним достатком и заурядной духовной силой, оказали бы неизмеримо больше действительной пользы, поддерживая и проводя строгие принципы справедливости и честности в обычных житейских сношениях, чем самыми умными планами широкой филантропии или крикливыми провозглашениями богословских учений.

14.

Поразительно, до какой степени взгляд людей на жизнь проясняется приобретением способности хорошо исполнять какую-нибудь ручную работу.

15.

Кто из нас готов расстаться со своим положением в свете? Разве главным препятствием или возражением, когда дело идет о предстоящем каком-нибудь полезном деле, не служит всегда то, что мы не можем отказаться от нашего положения в свете?

Для большинства людей, пользующихся этой отговоркой, сохранить то положение, в какое они поставлены жизнью или Провидением, значит сохранять все свои экипажи, всех своих лакеев, все те обширные дома, которые они имеют возможность оплачивать. И я раз навсегда говорю, что если Провидение поставило их в подобного рода положение, что довольно сомнительно, то оно же и требует от них, чтобы они оставили это положение. Положение Левия состояло в сборе податей; Петра — быть рыбарем на Галилейском озере; Павла — находиться в приходе первосвященника. И все эти положения они должны были вдруг оставить.

16.

До сих пор воины жертвовали собой ради ложной славы и жестокого дела. Теперь же им

настало время жертвовать своей жизнью ради истинной славы и благотворного дела; и такое дело у каждого из вас под рукой, тут, возле вас, причем вам даны и все нужные для этого средства. Народ взывает и требует вашей помощи, вашего руководства, а вы стоите и молчите.

Но в таком случае прислушайтесь, по крайней мере, к вашим детям, и в словах, произносимых устами младенцев, почерпните силу. Если же вы не верите им, то каким страшным издевательством должны звучать слова молитвы, которую вы заставляете ваших детей повторять и утром и вечером, прося Отца, чтобы исполнилась воля Его и чтобы все создания Его стали безгрешны и счастливы на земле, как и на небе.

17.

Большинство деловых людей считает, что самым подходящим порядком вещей в этом мире является попросту тот, при котором обширная и беспорядочная толпа вырывает друг у друга все, что может, топчет детей и стариков в грязь и фабрикует различные негодные предметы при помощи неорганизованной толпы рабочих, ко-

торых можно соблазнить и собрать, а впоследствии разогнать, предоставляя им свободно умирать с голоду.

18.

Каждый христианин должен требовать для каждого своего собрата защиты и воспитания в детстве, помощи или наказания в пору зрелого возраста и награды или поддержки в старости.

19.

В тех случаях, когда для блага мира должно быть совершено какое-нибудь дело и нет для этого подходящих людей, мы не имеем никакого права утверждать, что Провидение и не желало, чтобы это дело было совершено, а потому и не послало нужного человека. Несомненно, что Провидение послало не одного человека, а много сотен людей, способных совершить это дело, но мы или отвергли или погубили их. И не оно осуждает нас на страдание, а мы сами отказываемся принимать избавителей, ниспосылаемых к нам Богом, и страдания являются таким же неизбеж-

ным последствием начертанных Им законов, как голод для нации, не желающей ни пахать ни сеять.

20.

Низкая душа преклоняется перед всем, чего бы от нее ни потребовали; но есть известного рода души, самые низкие из всех, которые вечно недовольны другими, любят себя только собой, провозглашают себя гениями, отказываются от всякой здоровой дисциплины или скромного дела и кончают жалкой гибелью, питая ненасытную жажду мести к публике. Тогда как, с другой стороны, самые величайшие души больше всего отличаются скромностью и готовностью учиться у всех и исполнять любую работу. Но тем не менее между ними и публикой неизбежно все-таки возникает несогласие, хотя, конечно, не на почве оскорбленного самолюбия. Великий человек все-таки открывает нечто такое, чего публика не видит, и это нечто он будет упорно возвещать языком или кистью, утверждая, что это именно так, как он, а не как она, видит; и весь мир не может его заставить иначе понимать и высказывать эту истину. Если мир при этом восстает против него,

то может побить его камнями или сжечь на костре, на что он нимало не обращает внимания. Но если мир не особенно возмущается открытием, возвещаемым великим человеком, то предоставляет ему твердить эту истину до самой смерти, считая его просто идиотом; и на это он тоже мало обращает внимания и все-таки смотрит на вещи так, как они представляются ему, а не как справа и слева режут об этом расступившиеся волны Черного моря. Поэтому несогласие между ним и публикой рано или поздно неизбежно возникнет. Человек же с низкой душой, хотя и будет яростно накидываться и плевать на публику, если она не интересуется им, станет, однако, в то же время извиваться перед нею, добиваясь ее одобрения, и высказывать только то, что может доставить ему лишний аплодисмент, а потому он и публика всегда мирно шествуют рука об руку.

21.

Гений отличается прежде всего не наглостью и презрением, а безошибочным умением распознавать то, чему следует поклоняться.

22.

Смысл человеческих существ проявляется не в достижении своих личных целей и не в удовлетворении своих эгоистических интересов, а в тонком понимании целей и интересов других людей и в приведении в гармонию с ними своего труда и своих желаний.

23.

Человеческое развитие разумно, когда сопряжено с усилиями в известном, определенном направлении, и безнравственно, когда эти усилия направлены к выгоде ограниченного класса людей.

24.

В настоящее время богач представляется миру в виде человека, держащего в сжатом кулаке мешок с деньгами и решившего расстаться с ним только поневоле. И вот все люди кругом его сговариваются, как бы принудить его расстаться с этими деньгами, т. е. как бы убедить его, что он нуждается в той или другой вещи, или как бы произвести такие вещи, которые пленили бы

его и которые он бы купил. Один старается уверить богача, что он нуждается в духах; другой — что ему нужны бриллианты; третий — что ему крайне необходимы конфеты; четвертый пленяет его розами к Рождеству. Каждый человек, придумывающий ему новую потребность, считается благодетелем общества, и, таким образом, энергия более бедных людей постоянно направлена на производство ненужных, но соблазняющих его вещей, и богатый человек имеет вообще вид дурака, против которого весь остальной мир в заговоре с целью одурачить его.

25.

Бывают случаи, когда упорство низких людей очень сходно с упорством великих людей; но если внимательно присмотреться, то всегда окажется, что в упорстве первых главную роль играет их личное «я», а в упорстве — вторых то дело, которое они отстаивают.

26.

Грустно видеть, как историки обольщают и себя, и читателей, подчеркивая в раннем дет-

стве великих людей все мельчайшие обстоятельства, которые как бы подготовляли их для того дела, которое они совершили, тогда как в действительности они были только жалкие, ошибающиеся создания, боровшиеся с миром, еще более ошибавшимся, чем они, бесспорно грешившие не в одном, а в тысячах случаях и достигшие, наконец, жалких результатов не того, что они могли или должны были совершить, а того, что им удалось достигнуть при всем противодействии мира и вопреки их неоднократной измене себе.

27.

Наши крупные промышленные города представляются мне чем-то вроде монастырей, в которых рев фабричных машин и колес заменяет молитвенные песнопения и где поклонение мамоне или Молоху совершает с трогательной почтительностью и по точно определенному ритуалу. Купец встает к своей заутрене с самоотверженностью отшельника и искупляет те искушения, которым он подвергался в течение прожитого дня за поздней вечерней, посвященной все тому же

мамоне, причем большинство его идолослужений могут быть подведены под две главные группы — игры и кражи, тем более отвратительные, что ведутся на чужие деньги и обворовываются доверчивые люди.

28.

Истинное образование делает людей мудрее и счастливее. Но не думаете ли вы, что по законам Божиим и по законам природы люди должны получать деньги за то, что стали мудрее и счастливее? Они получают их за честное дело, а так как каждое честное дело делает людей разумнее и счастливее, то и выходит, что они как будто вознаграждаются деньгами за приобретение мудрости.

Но если вы ищите мудрости ради того только, чтобы приобрести деньги, то поступаете как самый безумный из всех безумцев. «Она дороже рубинов», но не думаете ли вы, что это потому, что мудрость поможет вам купить рубины?

«Все вещи, которые ты пожелаешь, не могут сравниться с нею». Но не думаете ли вы, что это

потому, что она дает вам возможность приобрести все желаемое? Нет, она дается вам — как блаженство, само по себе. Она награда за доброжелательство, скромность и трудолюбие. Она высшая из всех наград и в бедности и в богатстве, являясь истинной мощью в настоящей жизни и залогом блаженства в грядущей!

29.

Если общепринятое применение термина «слово Божие» к книгам Священного Писания верно, то тем более обязательно для истолкователей этого Писания следить за тем, чтобы это слово Божие не обратилось, в силу наших традиций, в пустой звук и чтобы смертные грехи корыстолюбия, обмана, лихоимства и соперничества не составляли сущности жизни нации, исповедующей на словах подчинение законам Христа и блаженства любви Его.

30.

Можно в немногих словах выразить задачу нашей жизни: она состоит в том, чтобы до-

стойным образом воздавать хвалу и быть самым достойным ее.

31.

Искусство или главная производительная и образовательная сила страны есть указатель ее социальных и политических добродетелей, точный выразитель ее нравственной жизни.

32.

Высшая цель искусства состоит в том, чтобы дать верный образ благородного человеческого существа; большего оно никогда не достигало, а меньшим оно не должно удовлетворяться.

33.

В настоящее время нужно остерегаться пагубного мрака двух противоположных видов гордого самомнения — самомнения веры, мнящей, что сущность Божества может быть определена рассудком, и самомнения науки, воображающей, что энергия Божества может быть объяснена научным анализом.

34.

Прямым и неизбежным результатом гордости веры является то, что множество людей, склонных к добру, милосердных и кротких, которые могли бы при иных условиях своим терпением облегчить тяжесть общего креста и своей благотворной деятельностью пересилить влияние зла, удалились от этого истинного служения людям с целью посвятить лучшую часть своей жизни ложному служению Богу, разумею под этим стремление к недостижимому, оплакивание неизбежного и размышление о непостижимом.

35.

Гордость, придающая слишком большое значение мелким, хотя, правда, верным открытиям, безосновательно отрицающая всё, что ей кажется безосновательным, питает слишком большой интерес к прогрессу некоторых научных умов, которые в своем суждении о Вселенной всего вернее уподобляются древесным червям, забравшимся в раму картины какого-нибудь великого художника; черви эти с величайшим наслаждением точат дерево и с отвращением относятся

к краскам, объявляя, что и эта неожиданная и нежелательная комбинация является, однако, результатом взаимодействия все тех же молекулярных сил.

36.

С одной стороны, вы не должны допускать, чтобы выражение дорогих вам религиозных чувств какой бы то ни было формой искусства влияло на ваше суждение об их абсолютном достоинстве, а с другой стороны, вы не должны позволять, чтобы ваша научная привычка верить только в то, в чем вы сами удостоверились, отвлекала вас от оценки или по крайней мере от стремления оценивать высшую способность человеческого духа, оценивать воображение, когда оно работает в присутствии предметов и явлений, не поддающихся никакой другой способности.

37.

Только правильно развитое воображение способно познать единство силы, запечатлевшей

различие между добром и злом в нашем сердце и в нашей совести, — познать закон Духа, управляющего и небесными облаками, и земными тварями и влагающего в наши сердца ужас смерти и силу любви.

38.

Энергия воображения в нас может усиливаться или ослабевать от нашего собственного поведения и уклоняться по временам от нормы, как уклоняется и физическая сила; она усиливается в иных случаях от нашей воли и подавляется нашим несчастьем и грехом, но она всегда неизменно человечна и неизменно божественна. Мы люди, а не только животные, и потому в нас есть всегда особая форма ее; степень нашего благородства и нашей низости зависит от количества этой энергии в нас; но мы никогда не обладаем ею в такой степени, чтобы стать выше человека.

39.

Если вы заглянете в историю, то найдете, что одной из главных причин постоянных бедствий

человечества было то, что люди служат или тем, кого они видеть уже не могут и которые уже не нуждаются в их помощи, или гордым и злым, которые слишком ослепляют глаза и помогать которым не следует.

40.

Взвесьте, сколько времени потрачено, сколько мучительных волнений испытано нежными и деликатными христианками, хотя бы за последние шесть столетий, под впечатлением изображений давно минувших страданий, и подумайте, не лучше ли было бы для счастья человечества, если бы эти самые женщины уразумели глубокое значение последних слов, сказанных их Учителем женщинам, оплакивавшим Его: «Дщери иерусалимския! Не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших!»

41.

Подумайте, какова была бы теперь наша история, какова была бы история всей Европы, если бы народ стремился знать — а искусства стреми-

лись чтить и прославлять — великие дела своих великих людей. Если бы вместо того, чтобы жить, как мы живем до сих пор, среди адских соперничеств и распрей, освящаемых фантастическими грезами о заоблачных мирах, мы старались справедливо вознаграждать и карать каждого по его заслугам, и главным образом вознаграждать; и наконец, если бы мы по крайней мере стремились быть небезучастными свидетелями человеческих дел, угодных и негодных Богу, вместо того, чтобы самоуверенно мечтать о возможности постичь тайны суда Божия или блаженства вечной жизни.

42.

Вы можете стать или христианами, или служителями Ваала, приняв его дар жалкой праздности и лени, живя трудом и позором других и обманывая себя и их клеветой на Провидение, пока не погибнете и не воскликните вместе с другими, подобными вам: «Когда же мы видели Тебя?»»

Но, повторяю, вы можете стать и христианами, если пожелаете, но желать этого вы должны

всем сердцем и помнить, что никакой компромисс тут немыслим.

43.

В настоящее время жестокость еще больше развивается вследствие тонкого поощрения себялюбия учением, гласящим, что все, считаемое злом, приводит к благому концу; учение это практически ведет к тому, что мы, хотя и употребляем те же серьезные учения, чтобы избежать всего, непосредственно для нас неприятного, однако самодовольно и спокойно следим за конечными результатами зла, когда его испытывают другие.

44.

Нам нужно главным образом освободиться от нелепой мысли, будто Небо исправит со временем крупные ошибки, предоставляя законам природы, следуя их течению, карать мелкие. Если вы неряшливо готовите какое-нибудь кушанье, то вы не рассчитываете, что Провидение сделает его вкусным, и точно так же если вы в течение целого ряда безумных лет ложно направ-

ляли свою жизнь, то не должны ожидать, что Божественное вмешательство направит и устроить все к лучшему.

45.

Вы, вероятно, хорошо воспитаны и каждый день после сытного обеда имеете обыкновение благодарить Бога за все Его дары. Но за что вы Его благодарите? Конечно, не за то, что вам два раза в неделю приходится голодать, в то время как есть роскошно пирующие, а, наоборот, за то, что вы семь раз роскошно пируете, в то время как есть голодающие, — но может ли такое благодарение быть угодно вашему Небесному Отцу?

46.

Ум укрепляется или раздражается чтением решительно так же, как тело свежим или гнилым воздухом.

47.

До сих пор весь смысл и все назначение жизни великосветских женщин состояли, по-видимому,

в том, чтобы в ожидании будущей ангельской жизни и наслаждения полным счастьем прилично одевать себя и своих детей и оставлять карточки у своих знакомых, считая это, правда, довольно обычным, но все же благородным делом, за которое они и рассчитывают получить награду в виде немедленного вкусного обеда и неувядаемой славы в будущем.

48.

Не важно, знакома ли женщина с той или другой наукой, но в высшей степени важно, чтобы она понимала значение, неизбежность и всю прелесть естественных законов и следовала по пути хотя бы некоторых отраслей знания до пределов той Горькой Долины Смирения, в которую могут нисходить только самые смелые и мудрые мужчины, сознавая себя навсегда детьми и собирая голыши по безграничному ее побережью.

49.

Безумно и несправедливо предполагать, будто женщина только тень и точное отражение ее вла-

стелина, что она должна бессмысленно и рабски повиноваться ему, поддерживаемая в ее слабости превосходством его силы; это, повторяю, самое безумное из всех заблуждений относительно женщины, созданной быть помощницей и товарищем мужчины; а может ли тень помогать или раба быть достойным товарищем?

50.

Ни вы, ни я не можем понять, почему бы всему золоту не скопиться на вершинах гор, так чтобы все знали, что оно все находится там, и могли бы наверняка добывать его и чеканить сколько им нужно денег, не копая бесплодно землю и не теряя бесполезно время на неудачные поиски. Но природа поступает иначе. Она распределяет его мелкими жилками в земле, неизвестно где и как, так что вы можете долго копать и ничего не найти, можете мучительно трудиться, прежде чем вам удастся раздобыть несколько крупинок.

То же самое и с высшей мудростью людей. Когда вы берете хорошую книгу, то должны задать себе вопрос: расположен ли я работать, как австралийский рудокоп? В порядке ли мои ору-

дия, в бодром ли я настроении, весело ли принимаюсь за работу? А так как металл, добываемый вами, это мысли автора, то слова и являются теми скалами, которые вам приходится разбивать и дробить, чтобы добраться до самой сути. Кирками служат ваши усилия, ум и знание, а плавильной печью вдумчивая ваша душа. Не рассчитывайте добраться до значения ценной мысли автора без этих орудий и без этого огня; часто вам понадобятся самый тонкий и острый резец, самое терпеливое плавление, прежде чем вы в состоянии будете добыть хоть одну крупинку чистого металла.

51.

Есть два рода дыхания: дыхание божеское и дыхание человеческое. Дыхание божеское дарует здоровье, жизнь и мир, как дыхание неба — влагу облакам на холмах; дыхание же человеческое есть немощь и отрава, подобная туману болот. Он внутренне растлевают и вздувает, как продукты разложения мертвого тела вздувают его.

Это буквально справедливо относительно всех ложных религиозных учений: вздутость или

напыщенность являются самым роковым признаком этого зла. Все обращенные дети, поучающие своих отцов, обращенные мошенники, поучающие честных людей, обращенные невежды, прожившие полжизни тупоумными крестинами и внезапно пробудившиеся, узнав, что есть Бог, а потому мня себя Его избранниками и посланниками; все эти сектаторы всевозможных больших и малых сект, католики и протестанты, англичане и диссиденты, поскольку они считают только себя в истине, а всех остальных во лжи, а в особенности те люди в каждой секте, которые считают, что спасает верная мысль, а не честное дело, слова, а не поступки, желания, а не усилия, — вот истинный чад тумана, облака, не несущие дождя, трупы, вздутые от гнилостных разложений.

52.

Безучастная рука, неотзывчивое сердце, болезненно извращенные привычки, очерстевшая совесть — вот отличительные свойства грубых людей; они грубы, поскольку неспособны к симпатии, к быстрому восприятию, к тому, что мож-

но назвать чуткостью или отзывчивостью и чем в растительном царстве особенно отличается мимоза, а в животном — чистая, непорочная девушка. Тонкость или нежность чувствительности не зависят от рассудка, напротив, они руководят рассудком и освящают его. Рассудок может определить истину, но только одна эта — дарованная Богом — чувствительность отличает все доброе, созданное Творцом. Но мы — увы! — должны теперь сожалеть о мелочности, низости и эгоистичности даже нашей чувствительности, которая уходит на букеты и речи, пиры и кутежи, на бои и театры марионеток, в то время как мы без содрогания и слез можем смотреть и видеть, как избиваются целые благородные нации, нисколько не стараясь помочь им.

53.

Истинно великая нация не издевается над небом и силами небесными, притворяясь, будто верует в Откровение, утверждающее, что любовь к деньгам есть корень зла, и объявляя в то же время, что эта любовь и должна быть господствующим стимулом всех ее главных национальных дел и мер.

54.

Мысль о том, что все должно оплачиваться, до того извратила все лучшие наши намерения, что, даже разыгрывая роль доброго самаритянина, мы никогда не дадим несчастному пятака, не прибавив: «Ты должен возвернуть вдвое, когда я вернусь опять сюда».

55.

Когда люди разумно заняты, их удовольствия, как лепестки плодоносного цветка, являются результатом их работы; когда они истинно отзывчивы и сострадательны, все чувства их глубоки, основательны, неизменчивы и так же живительно действуют на душу, как здоровый пульс в нормальном организме. Но теперь, отрешившись от настоящего дела, мы тратим всю нашу мускульную энергию на ложное дело приобретения денег; чуждаясь здоровых впечатлений, мы устраиваем себе искусственные. Справедливость, которую мы нарушаем в жизни, мы прославляем в повестях и на сцене; допускаем или причиняем ежедневно тысячи убийств, не желая никому зла; красоты, разрушаемые нами в природе, мы заме-

няем метаморфозами пантомим; и потребность в благоговении и сострадании до того свойственна человеческой природе, что вместо благородной отзывчивости к горю ближних и чистых слез, которые нам следовало бы проливать, мы жадно следим за сенсационными уголовными делами и впиваем вечерние росы могил.

56.

Быть мощным сердцем и умом, быть великодушным — значит стать действительно великим в жизни; преуспевать в этом — значит успевать в жизни: в самой жизни, а не в мишурном ее блеске.

57.

В сердце человека вложены влечения ко всем его действительным обязанностям — влечения, которые нельзя искоренить, хотя можно подавить и исказить, отклоняя их от истинного назначения. Так, в человеке всегда существует мощное влечение к любви; правильно развитое, оно поддерживает, а ложно направленное — подтачивает

все святое в жизни. Точно так же любовь к власти глубоко вложена в святую святых сердца как мужчины, так и женщины, вложена Самим Богом и Им охраняется. Но какой власти? Власти разрушать? Власти пасти льва или дыхания дракона? Нет, власти исцелять, освобождать и защищать, власти могучей руки, исцеляющей своим прикосновением, парализующей зло и освобождающей узников; власти престола справедливости, воздвигнутого на скале, взобраться на которую можно только по ступеням Милосердия!

58.

Царицами, женщины, вы всегда должны быть: царицами для влюбленных в вас, царицами для ваших мужей и сыновей, царицами в высшем, таинственном смысле для всего мира вне вас, который преклоняется и всегда будет преклоняться перед миртовым венком и чистым, незапятнанным скипетром женственности. А между тем нет той войны, той несправедливости в мире, за которую вы, женщины, не были бы ответственны: не вы их вызвали, но вы могли им воспрепятствовать. Нет того страдания, той несправедли-

вости, того бедствия на земле, в котором вы не были бы повинны, так как вы одни способны чувствовать весь ужас страданий и верить в путь избавления. Вместо же того, чтобы пытаться избавить мир от страданий, вы отворачиваетесь от них и замыкаетесь в ваших парках и садах, обнесенных стенами и решетками, и пребываете здесь вполне довольными, зная, что за пределами их есть целый мир ужасных тайн, проникнуть в который вы не дерзаете, и целый мир страданий, постичь который у вас не хватает мужества.

59.

Женщина только тогда является истинной хозяйкой, а мужчина — истинным господином, когда они, подобно Господу, преломляют свой хлеб со всеми в братской трапезе, оказывая помощь всем бедным, о которых Христос сказал, что «кто накормит их, накормит Его».

60.

Мы знаем, что Бог таинственным путем присутствует там, где Его ищут, и отсутствует там, где Его забывают.

61.

Нелепо было бы думать, что устройством изящных сводов и колонн во славу Того, Кто между скал прокладывает русло реки и гневом Которого потрясается земля, мы можем приобрести прощение за осквернение долин и потоков, дарованных Им, за отравление ядовитыми испарениями душистого воздуха, за истребление нежной травы и цветов и за допущение того, чтобы рядом с безумной роскошью царила и ужасная нищета. Ведь весь ваш труд как будто сводится единственно к тому, чтобы ложью звучала песнь, напеваемая херувимами на небесах и церковью на земле: «Свят, свят Господь Бог наш, исполнены небо и земля славы Твоея».

62.

Иметь высокоразвитое искусство и прославлять им Творца, совершенствуя таким образом красоту и святость всего Им созданного, мы можем только тогда, если всеми силами души стараемся прежде всего освятить храм тела и души каждого ребенка, не имеющего крова, где бы укрыться от холода, и не имеющего за-

щиты от различных пагубных влияний, развращающих душу.

63.

Искусства имеют и могут иметь только три задачи: усиление религиозного чувства, усовершенствование нравственности и доставление людям материальной пользы.

64.

Все искусства, начиная с высших и вплоть до самых низших, являются абсолютно точным указателем нравственной чистоты и величия чувств, ими выражаемых. Вы можете всегда проверить это на практике. Задайте себе вопрос относительно какого-нибудь чувства, сильно овладевшего вашей душой: «Может ли оно быть воспето, и воспето прекрасно, с подобающей мелодией и с надлежащим искусством?» Если да, то это благородное чувство. Если же оно не может быть воспето или может быть воспето только с иронией, то это чувство низкое. То же самое и относительно всех искусств; так что искусство нации, пока

оно существует, будет с математической точностью, не допускающей ни ошибок, ни исключений, служить показателем ее нравственности.

65.

Вы тогда только можете понять слова человека, когда понимаете его характер. И ваши слова являются для него как бы на незнакомом языке, если он не понимает ваших чувств. В этом и состоит искусство языка, являющееся самым пригодным орудием воспитания людей благородных. Тайна речи есть тайна симпатии, и ее обаяние свойственно только благородному человеку.

66.

Никто не может подметить следов трудолюбия, если он сам не трудолюбив и не знает цены работы; никто не поймет ни истинной страсти, ни благородства, если сам не страстен и не благороден; о самых мельчайших слабостях характера других он может судить, только имея такие же недостатки и борясь с ними.

67.

Хотя добро никогда не порождается злом, но оно развивается постепенно в борьбе со злом.

68.

Два существенных инстинкта человечества — это любовь к порядку и любовь к добру. Любовь к порядку направляет энергию на борьбу с землей, на ее благоустройство и охранение, и на борьбу с мятежными и разнузданными силами в низших существах и в нас самих. Любовь же к добру ведет к справедливому отношению ко всей окружающей нас жизни. С подобной прививкой мы можем совершенствовать все остальные страсти.

69.

Самое низшее проявление милосердия — в сострадании, самое высшее проявление его — в воздаянии хвалы. Очень часто люди, как бы низко они ни пали, гнушаются состраданием, но никогда человек, как бы высоко он ни стоял, не чужд желания похвалы.

70.

Я желал бы, чтобы вы состязались не вашими знаниями, а тем, чем вы становитесь, и притом состязались в той великой школе, испытателем которой является смерть, а судьей — Бог.

71.

Если вы заглянете в свое сердце и в историю, то найдете два наивысших наслаждения — любить и воздавать хвалу — и два величайших желания — быть любимым и восхваляемым; они-то служат основой всего мощного в делах людей и всего счастья в их покое.

72.

Читая исторические сочинения, вы главным образом должны искать в них всё, достойное похвалы, и презирать всё остальное.

73.

Самое важное в истории человека то, к чему он стремился. Всё, совершенное им, всегда

в значительной степени зависело от случайных обстоятельств и в лучшем случае являлось только далеко не полным исполнением его намерений. И все величайшие люди больше жили в своих стремлениях и усилиях, чем представлялась им возможность жить в действительности, а потому справедливо оценивать их можно по их стремлениям и чувствам, а не по тому, что им удалось совершить.

74.

История человечества есть естественная история его природы, а не случайных обстоятельств, встретившихся в его жизни. Сообщая естественно-исторические сведения о львах, вынимало не интересуетесь тем, где тот или другой лев попал в западню и сколько овец кто из них съел. Вам интересно только знать, каковы духовные и внешние свойства этих существ.

75.

Наука выполняет свою задачу не тем, что объясняет причины появления пятен на солнце,

а тем, что выясняет законы нашей собственной жизни и последствия их нарушения.

76.

Быть мудрым не значит вычислять величину луны, а значит знать свои обязанности к детям, к соседям, к соседним народам.

77.

Люди всегда надеются обрести мир на небе, но вы знаете, что, каков бы ни был мир, который они обретут там, он будет во всяком случае заранее уготован. И благословение и блаженство обещаны им за тот мир, который они водворяют здесь, на земле, не силою оружия, а путем устройства мирных пристанищ.

78.

Существуют два пути для приобретения мира и спокойствия, и один из них всецело в вашей власти. Вы должны только устроить в душе вашей обитель отрадных мыслей. Это

самое безопасное убежище в бурном море, только для устройства его нужно большое искусство. Никто из нас до сих пор еще не знает (так как никого в ранней юности не учили этому), какие дивные дворцы мы можем воздвигать из прекрасных мыслей; не учили, какую опору против всех превратностей представляют блестящие фантазии, дивные воспоминания, благородные исторические явления, правдивые сказания — все эти сокровища, полные драгоценных и успокоительных мыслей, которых никакая забота не разрушит, никакое несчастье не омрачит и никакая бедность не лишит нас, так как это нерукотворная обитель нашей души.

79.

По всем вероятиям, человечеству предназначено пребывать в вечном удивлении и сознании своего невежества; но если оно когда-либо и познает какую-либо из тайн своего собственного или животного существования, то только путем дисциплинированной добродетели, а не путем научной любознательности.

80.

Общий закон таков, что мы можем вглядываться в чью бы то ни было жизнь лишь постольку, поскольку мы ею восхищаемся.

81.

Мудрость искусства и мудрость науки заключаются в бескорыстном служении на пользу людей.

82.

Вся природа в один голос всей своей славой учит нас чтить жизнь, дарованную нам Господом сил. Питание птиц и их блестящее оперение, аромат цветов и их дивные краски, самое появление которых находится в таинственной связи с дарованной им жизнью, наконец, вся сила и все искусства людей основаны на их преклонении перед страстью любви и на охранении ее чистоты.

83.

Орган зрения тем физически совершеннее и яснее, чем больше он от высматривания добы-

чи восходит до созерцания красоты и чем больше он горит любовью. Несовершенное и животное орудие зрения может блистать злобой и диким чувством голода, но благородный человеческий взор, чуждый высматриванию добычи, чуждый мелочности и гнева, является ясным в благородстве, гордым в почитании и радостным в любви. Так что физический блеск света и цвета в нем, далеко не будучи восприятием механической силы механическим орудием, является вполне духовным явлением, находящимся в безусловном и точном соответствии с чистотою нравственной природы и с силой естественных и мудрых симпатий.

84.

Нация может благоразумно и успешно изображать только те действительные явления, которыми она восхищается. Что вы имеете при себе или перед собой наиболее дорогого для вашего взора и сердца, то волшебным даром руки или уст вы и можете дивно передать другим; а наиболее дорога вашему взору и сердцу, если вы только что-нибудь действительно видите и любите, должна быть человеческая жизнь ва-

шего народа, понятая в прошлом и чтимая в настоящем. И если вы не стремитесь сделать ее прекрасной, то ваш идеализм ложен и ваше воображение чудовищно.

85.

Жить возможно более скромной и довольной жизнью, извлекать возможно больше удовольствий из самых ничтожных вещей, делать то, что может быть полезно нашим непосредственным ближним, не притворяться, будто восхищаешься тем, что в действительности не захватывает нас за сердце, не добиваться лишних знаний, пока в совершенстве не упорядочены и не применены уже добытые, — вот условия бесспорной мудрости и несомненного благоразумия, которые приведут нас к тонкому, благородному искусству, если мы решили, чтобы оно было тонко, и которые дадут нечто лучшее, а именно: благодаря им и грубое искусство станет драгоценным.

86.

Что заставляет нас всегда с таким сожалением вспоминать о детстве, если оно было хоть сколь-

ко-нибудь здоровое и мирное? То роскошное очарование, какое производили даже самые ничтожные вещи на нас, происходило от бедности наших сокровищниц. Окружающая нас природа очаровывала нас потому, что мы мало еще видели и еще меньше знали. Каждое лишнее новое приобретение новой тяжестью пригнетает нас, и каждое лишнее знание уменьшает в нас способность к удивлению и восторгу, пока, наконец, не ниспосылается нам смерть, чтобы удалить от нас то зрелище, при дальнейшем созерцании которого никакой дар уже не удовлетворял бы нас и ничто дивное не удивляло бы.

87.

Выбросьте из вашего сердца и ума мысль познать все на небе и на земле. Очень немного вообще существует такого, что мы можем когда-либо познать относительно как путей Провидения, так и законов существования. Но и этого немногого достаточно, вполне достаточно; стремиться к большему не благо для нас. И будьте уверены, что за пределами действительных нужд нашего скромного существования и того царства, кото-

рым каждому из нас предназначено управлять в невозмутимом самообладании, всякое увеличение труда усиливает безумие и всякое увеличение знания усиливает горе.

88.

Мы считаем себя избранниками, которым впервые даровано познать тайны неба и водворить порядок на земле; а в действительности из всех народов, когда-либо обреченных на позор их ложной мудростью и ложным искусством, из всех народов, посвящавших свой труд не тому, что есть хлеб, и свои силы не тому, что доставляет удовлетворения, мы самым безумным образом отбросили милосердие, которое само по себе доставляет удовлетворение и приносит пользу другим, и стали из всех созданий самыми неудовлетворенными и самыми зложелательными к своим ближним.

89.

Все мы должны так выполнять наш человеческий труд, чтобы существом, выше нас стоящим,

он казался бы более прекрасным, чем он кажется нам. Почему бы нашим жилищам не казаться ангелам такими же интересными и прекрасными вещами, как нам кажутся гнезда снегирей? Мысль, что мы способны восхищаться делами ангелов, кажется мне очень дерзкой, но совсем не дерзко думать, что они могут восхищаться нашими трудами, как мы — трудами низших животных.

90.

Мудрость заключается в способности признавать во всем известное отношение к жизни, к общей совокупности всей известной нам жизни, как животной, так и человеческой, но она, понимая различные задачи различных существ, сосредоточивает, однако, свои интересы и силы на человечестве, в противоположность, с одной стороны, животному миру, которым оно должно управлять, а с другой — божескому, который им управляет и которого оно не может постичь даже воображением.

91.

Наука есть познание вещей, как идеальных, так и реальных. Искусство есть воссоздание ре-

альных предметов реальной нашей силой, а литература — воссоздание идеального идеальной нашей силой.

92.

Ни вам, ни мне нет дела до того, что может случиться там, где-то далеко или когда-нибудь со временем, но нам следует всегда живо отзываться на все, что происходит здесь и теперь.

93.

Подите на берег моря после отлива и, сев на песчаную отмель, возьмите горсть песку и отделите одну песчинку от всей остальной массы. Затем постарайтесь представить себе отношение этой одной песчинки ко всей бесконечной массе их по всему необъятному побережью. Астрономы утверждают, что наш мир не более как такая же песчинка сравнительно с остальными существующими мирами, на которых нельзя заметить никакого следа жизни или благодати, так что все является картиной ужаса и игрищ случайностей, холода и огня, проявляющейся при

столкновении миров, опустошения взрывающихся небесных тел и летящих метеоров. Тем временем что вы сами такое на этой песчинке? Эта песчинка сама большею частью пустынна, и только зеленая узкая полоса виднеется посредине ее. И на этой песчинке человек, этот жалкий, ничтожный червь, живет всего мгновение, большею частью в борьбе друг с другом из-за насущного хлеба, а в случайно выпадающие мирные промежутки строит скверные гнезда, в которых он гибнет от холода, голода, нужды, чахотки, разврата или отчаяния. Вот вам история цивилизации, более краткая, чем написанная Боклем, но и более правдивая, если вы видите небеса и землю, но без их Бога.

Это зрелище страшное, но и вполне ложное. Если б пророк коснулся ваших очей, то вы мгновенно увидали бы, как все эти беспредельные миры полны божественной рати. Но если вы станете наблюдать эти звезды даже вашими человеческими очами, узнаете, что думали о них наиболее благородные люди, и будете пользоваться их светом с благородной целью, то и тогда войдете в большую радость и узнаете лучшую науку, чем та, которая когда-либо рисовалась перед вашими очами.

94.

Составлять законы есть дело одного Бога; дело же законоведов вникать в эти законы и правильно применять их к жизни.

95.

Человеческий наш труд мы должны выполнять честно и безукоризненно, безразлично, надемся ли мы стать ангелами или были некогда слизняками.

96.

В решимости хорошо выполнять нашу работу заключается единственно здоровая основа любой религии, и только по этой решимости и по нашим делам, а не по нашей вере Христос и будет судить нас, как Он вполне ясно это сказал, хотя мы часто это забываем.

97.

Милостыня и молитва хотя и не делают еще человека христианином, но они кости и плоть,

из которых может развиваться христианин; а жалкие современные последователи Иуды не только лишились охоты молиться и подавать милостыню, но даже перестали понимать смысл и значение этого. «Давайте, и дано будет вам», — думаете вы, но лучше не Богом в величественном воздаянии за дар, а заемщиком в виде двадцати процентов, и так пусть не будет оказана никакая милостыня, которая не была бы хорошо оплачиваема. «Стучите, и отворят вам»; но отворит не Бог Своим дивным ответом, а стучите, как подобает джентльменам, в элегантные приемные двери, пока полицейский, в виде смерти, не появится и не заставит вас наконец замолчать.

98.

Весь мир кажется осиротевшим, если дети его не ведают их Отца — Бога, и вся их мудрость и все их знание представляется еще более диким мраком, если они не познали страх Божий.

99.

Оглядываясь на мои усилия за последние двадцать лет, я нахожу, что их ошибочность

в значительной мере зависела от того, что я входил в компромиссы с неверием внешнего мира и старался основать мои положения на доводах обычного благоразумия и на доброте, а не на первейшей обязанности человека — любить Бога, — которая может и должна быть основой всего.

100.

В женщине красота при отсутствии скромности то же, что золотое украшение в пятаке свиньи, а в любом человеке, мужчине, женщине, ребенке, знание при отсутствии скромности есть знание, приобретенное безумцем, чтобы раздуть свой живот и блистать своим петушиным гребнем.

101.

Здоровое воспитание зависит от полнейшего упразднения соперничества в какой бы то ни было форме и под какой бы то ни было маской. Для каждого ребенка должна быть своя особенная мерка, воспитываться он должен

для свойственной ему обязанности и вознаграждаться по своим заслугам. Награды достойны усилия, а не достигнутый успех. Точно так же для каждого учащегося вопрос не в том, умнее ли он или тупее остальных, а в том, употребляет ли он наилучшим образом свои дарования. Безумие современной системы баллов и пичкания возникает главным образом вследствие борьбы из-за теплых местечек и уверенности, что пробить себе дорогу можно, только отталкивая своих товарищей, тогда как в действительности у каждого имеются свои точно определенные способности и дарования, так что он пригоден для одного дела и, сколько бы вы его ни учили, вполне неспособен для другого, соперничество же может только парализовать или извратить его способности, но ни на волос не усилить их.

102.

Наше превосходство над одними должно служить для помощи им, а превосходство других над нами должно вызывать в нас чувство не зависти, а восторга.

103.

Известный участок общественной земли должен всегда оставаться для общественной пользы и удовольствий и в особенности для целей воспитания, которое, правильно понятое, состоит отчасти из ознакомления детей с естественными предметами, а отчасти из обучения практическому применению их чувства любви, состоящему в добром отношении к живым существам и в правильном пользовании неодушевленными предметами.

104.

С начала веков любовь читает без букв и считает не по правилам арифметики, и так будет до конца мира.

105.

Самоуверенность и высокомерие, развиваемые чтением в умах людей эгоистической деятельностью, ведут к тому, что они презирают ручной труд и желают всевозможных недоступных вещей, так что все улицы наполняются недовольными и бес-

полезными людьми, старающимися ловкостью и хитростью пробиться в свет и без труда добыть себе средства к существованию.

106.

Мое воображение отказывается рисовать то блаженное время, когда кроткие наследуют землю. Но день этот неизбежно настанет, и надежды бедных не тщетны. Не силой, не властью, а духом Своим призовет Он кротких на суд Свой и научит их путям Своим.

107.

Нет более мучительной тоски, как от пресыщения удовольствиями, и нет более ядовитых горестей, как горести праздных людей. Честный же труженик мужественно донесет самое тяжелое горе под жгучими палящими лучами дневной жары до вечернего смертного часа.

108.

Никто не должен бы добывать себе средства для существования тем, что он учит, как не до-

бывают их тем, что учатся; и учить и учиться — отрада и обязанность человеческой жизни и не имеет ничего общего с поддержанием ее.

109.

Истинные люди должны стараться отдавать, а не получать; отдавать свое время и, насколько могут, свой труд на пользу бедному и нуждающемуся, производя своими руками предметы, существенно необходимые для жизни: пищу, одежду, жилища, — так как только этим трудом можно поддерживать и свое и чье бы то ни было существование.

110.

Вера святых и пророков, доходившая до ясного сознания: «Знаю, что жив мой Избавитель», является таким духовным состоянием, о котором обыкновенные люди не могут и рассуждать, но которое практической своей силой всегда управляло и будет управлять миром, так как править им могут только слово Божие и сердце человеческое.

111.

Если жизнь руководится законом неба, то чувство близости небес становится с годами все сильнее и совершенно несомненным при смерти. Но на рассвете добродетельной жизни больше верится, что каждое светлое чувство восторга является как бы ниспосланным Богом, и потому наибольшая близость к небесам приписывается невинности детства и его вдохновению.

* * *

При обычном ходе жизни заблуждения ума людей и огрубение их сердца может точно измеряться степенью отрицания людьми духовных сил.

112.

Самые надежные и чистые радости человеческой жизни укрощают ярость страстей; они достигаются без душевных тревожений и вспоминаются без угрызений совести.

113.

Чем больше мы всматриваемся, тем больше убеждаемся, что действительное безобразие как

мужчин, так и женщин происходит только или от черствости сердца, или от пошлости воспитания.

114.

Бог так создал человека, чтобы он находил наслаждение от упражнения своих глаз, своего ума, своего тела. А человек в безумии своем пытается жить, ничего не видя, ни о чем не думая и ничего не делая, и таким образом становится не только животным, но и самым несчастным из всех животных.

115.

Каждое удовольствие, каждое наслаждение, добытое не тем путем, каким это предназначено Богом, добытое дешевым, воровским, быстрым путем, а не дорогой ценой, нечестно, и оно немедленно, как это указано, становится бременем, которое с каждым днем все тяжелее давит своей жгучей кольчугой.

116.

Когда христианская церковь или какая-нибудь секта ее решается жить христианской жизнью и следовать законам Бога во имя Бога, то

благоволение неба тотчас же проявляется в преувеличении земных благ и в преуспевании.

117.

Каждое великое творение создается так же невольно, как птица строит свое гнездо.

118.

Я не только верю, но и знаю, что существует ад; и когда люди доходят до уверенности, что добродетель невозможна без страха ада, то я твердо знаю, что они именно находятся в аду.

119.

Свой талант нельзя продавать. Продавая его, вы одновременно становитесь повинны в симонии и в проституции. Вы можете продавать свой труд, но не свою душу.

120.

Современное общество по-прежнему охотно распинает своего Христа в лице своих бедных,

но зато оно уже не возносит на крест рядом с Ним и своих разбойников. Нет, оно возносит их иным способом. Оно сажает их на возвышенный холм, «да светит свет их перед людьми, чтоб они видели их дела и прославляли отца их» — дьявола.

121.

Преступление может быть искоренено не наказанием, а уничтожением желания совершать его, т. е. воспитанием; и при этом воспитанием не только ума, что для одних бесполезно, а для других даже вредно, но и воспитанием сердца, одинаково полезным и необходимым для всех.

122.

«Время — деньги», — говорят наши практические промышленники и ученые политэкономии. Никто из них, по мере того как они приближаются к смерти, не находит, надеюсь, чтобы и обратное было верно, и что «деньги — время». И в конце концов, вероятно, было бы луч-

ше и для них, если б они свое время не обращали в деньги, если только они не надеются купить на них и вечность. Существует много вещей, которые в том же смысле деньги и могут быть променены на них. Здоровье — деньги, ум — деньги, знание — деньги; и вы всё — и ваше здоровье, и ваш ум, и ваше знание — можете променять на деньги и, таким образом, достигнуть желанной цели в виде хилой, гнилой, слепой старости, полной золота, но на это золото вы не можете уже обратно выменять ни здоровья, ни ума.

123.

«Время — деньги». Но не вернее ли считать, что время само по себе такая вещь, потеря которой есть безусловная потеря, а выгадывание — настоящая выгода? И не лучше ли приобретать на деньги и здоровье и знание, если это только возможно? А это возможно в начале жизни, но не в конце ее, и возможно всегда для других, если не для себя. Вы можете по христианской вашей вере купить, и дешево купить, даже жизнь, вечную жизнь, и долгие годы знания и мира, силы

и счастья любви для обездоленных и брошенных детей, бродящих по вашим улицам.

124.

Слова «Розданное возвратится сторицей» буквально справедливы по отношению к воспитанию. Никакой посев денег не может принести такого верного и обильного урожая, как образование. Но посеянное «если не умрет, не оживет», и вы, чтобы получить желаемый урожай, должны забыть свои деньги и все материальные интересы и воспитывать только ради воспитания, иначе все добро, которое вы хотите возрастить, будет полно яда, и вы погибнете вместе с вашими деньгами, что лучше всего доказывается нашим современным образованием, получить которое стремятся не ради его, а ради «приличного положения в свете».

125.

Как не безумно говорить в сердце своем: «Нет Бога», но неизмеримо ужаснее и непростительнее гордое безумие говорящих: «Бог только и существует для меня» или «Нет Бога, кроме моего».

* * *

Дети как самых высших, так и самых низших классов общества должны все получить общее образование, общее крещение в облаке и море небесной мудрости и земного могущества. Главные элементы этого общегосударственного образования следующие.

Во-первых, вы должны озаботиться о возможно совершенном и прекрасном физическом воспитании всех юношей, безразлично, к какой дальнейшей жизни вы их готовите. Если вы думаете впоследствии засадить их за работу, которая изуродует их тело и сократит их жизнь — хотя лучше было бы совсем упразднить такие работы, — то пусть он все же достигнет полного развития своих физических сил и изведает всю прелесть и все очарование юности. Это и выгоднее, так как вам не так скоро удастся убить его и вы извлечете больше из него работы, чем если бы изуродовали в детстве.

Во-вторых, вы должны развить в нем две величайшие его духовные силы: благоговение и сострадание. Для развития первой вы должны выбирать только таких учителей, которых нельзя не любить, нельзя не уважать; затем в истории вы

должны сосредоточивать внимание учеников только на тех человеческих делах и страстях, которые достойны преклонения, делая их главным предметом духовного восторга и подражания юношей и научая их чувствовать и сознавать все ничтожество их собственных знаний и сил. Со-страдание должно стать для детей вопросом чести, наравне с мужеством, так чтобы в кодексе написанных законов школы проявить какую бы то ни было жестокость считалось делом не менее позорным, чем трусость. Всякое страдание, причиняемое более слабым существам, должно считаться жестокостью, недостойной человека. При этом нужно пользоваться каждым удобным случаем, чтобы дать юношам возможность практически научиться помогать всем нуждающимся и ознакомиться в радостную пору их вступления в жизнь с действительными бедствиями и страданиями, которые так трудно постичь тем из богатых, которые дома не видели страданий.

126.

Обыкновенно считают — и это мнение поддерживают политэкономы, — что, придумав но-

вую материальную потребность, вы оказываете благодеяние нации. Но в действительности истинным благодеянием является всякое сокращение материальных потребностей, жизнь, довольствующаяся наименьшим количеством их и ничего не троящая бесполезно из всего, получаемого ею для удовлетворения ее нужд.

127.

Если вы держите в рабстве людей для того, чтобы они одевали вас, удовлетворяли ваше чревоугодие, потворствовали вашей лени и поощряли ваше тщеславие, то вы варвар. Если же вы довольствуетесь только удовлетворением ваших насущных материальных потребностей и не более того, то вы человек цивилизованный, обладающий свойствами гражданственности.

128.

Истинное образование отличается от ложного тем, что ложное есть вещь восхитительная, пригревающая вас и с каждым днем заставляющая вас иметь все более высокое мнение о себе. Истинное же образование леденит, на щите его

голова Горгоны, и оно с каждым днем заставляет вас быть все худшего мнения о себе.

129.

Немыслимо никакое, даже искусственное примирение между слугами Бога и слугами мамы. Пока жажда наживы гнездится в вашем сердце, никакое истинное познание о Царстве Божием недоступно ему. Никто не может проникнуть в его твердыню или получить его благословение, «если руки и сердце не чисты», т. е. если руки не очистились от злых дел, а сердце — от низких пожеланий. Поэтому и относительно вашего живого храма — тела и души — в самом возвышенном смысле справедливо, что никакое освобождение или спасение, никакое воспитание или освящение немыслимо, если вы не сделаете того же, что сделал Христос: «И вошел Он в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме. И каждый день проповедывал в нем».

130.

Большая часть кажущегося успеха в мире бесполезна в настоящее время. Вполне ненужный

для чего-либо доброго, успех этот порождает как неизбежное свое последствие лишь разрушение и горе. Сила его есть ярость несущегося урагана, его прелесть — признаки чумы, и то, что называется историей, представляет очень часто простой протокол бедствий, произведенных вихрем, или карту распространения проказы. Но под всем этим или среди этой мрачной картины есть узкие полосы человеческого труда, которые не исчезают и процветают; и эти малые частицы, или зеленые зародыши, одерживают наконец верх над злом. Изнемогая от боли, с трудом пробираясь среди развалин, истинные работники пядь за пядью очищают заглохшую ниву сада; благодаря их соединенным усилиям поддерживается и жизненно растет разумный строй вещей, и, несмотря на странные колебания, с каждым утром, с каждой ночью, с каждым часом человеческой жизни приближается желанный день.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	15
Часть вторая	71
Часть третья	151

*Литературно-художественное издание
Искусство и действительность*

Рёскин Джон

ИЗБРАННЫЕ МЫСЛИ ДЖОНА РЁСКИНА

Генеральный директор издательства *С. М. Махаренков*

Главный редактор *О. Вавилов*

Младший редактор *А. Юсупова*

Выпускающий редактор *Л. Данкова*

Художественное оформление: *Е. Васильева*

Компьютерная верстка: *А. Дятлов*

Корректор *Е. Ершова*



Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. N 436-ФЗ

Подписано в печать 02.08.2017 г.
Формат 80х100/32. Гарнитура «Garamond Premier Pro».
Усл. печ. л. 10,36.

Адрес электронной почты: info@ripol.ru

Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
www.t8group.ru; info@t8print.ru
тел.: 8 (499) 332-38-30

ДЖОН РЁСКИН – английский арт-критик XIX столетия, популяризатор прерафаэлитов и Уильяма Тернера, общественный деятель. К работам Рёскина в своих трудах обращались Лев Толстой и Марсель Пруст, находя в его мыслях близкую им философию.

«Избранные мысли» Джона Рёскина – это сборник его высказываний на самые разнообразные темы.

Читатель найдет здесь размышления о добре, нравственности, Боге, искусстве, труде, богатстве, воспитании. Сводятся они к простым, но нерушимым для мыслителя истинам. Ведь как писал сам Рёскин, «вся литература, все искусство, все науки бесполезны и даже вредны, если они не помогают вам быть счастливыми, и истинно счастливыми».



ISBN 978-5-386-08831-6



9 785386 088316



РИПОЛ
КЛАССИК